

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Въ мѣсяцъ "Юніонъ"
состоится
АНОНСЪВЪЗЛѢНОВОЙ БИРЖИ
Въ этомъ мѣсяцѣ 6 страницъСообща съ Консерваторіей Римской
Маріи Ивановны Долиной

ОДИНЪ КОНЦЕРТЪ

извѣстной артистки,
всѣхъ желающихъГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 4 (68).

Ноябрь. 2007 год.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Чудо
Одессы

В этом году подведены итоги конкурса "Семь чудес Украины", инициатором которого был депутат Верховной рады Николай Томенко. Конкурс прерывался, так как при подсчете голосов в Интернете замечали ошибки. Но вот он завершен. Нужно ли удивляться, что в "чудеса Украины" по Н. Томенко не попал Одесский оперный театр? И вообще Одесса, — будь то ансамбль Приморского бульвара с Потемкинской лестницей, Белгород-Днестровская крепость...

Как видно, есть разные взгляды на красоту, как и на города Украины. И к этому, честно говоря, мы давно уже привыкли.

Но итоги виртуального конкурса никак не мешают нам считать Одесский академический, а теперь уже и Национальный, театр оперы и балета — гордостью Одессы, чудом мировой архитектуры.

Какой еще город может соперничать с Одессой в том, что право строить грандиозный театр было получено тогда, когда городу исполнилось 10 лет! Проект выполнил классик архитектурной мысли Тома де Томон. А в 1809 году — к 15-летию Одессы — театр был построен. Это именно тот театр, что воспел А.С. Пушкин, посещавший его в 1823-1824 годах. Беда всего города — пожар театра в 1873 году. Единственное обстоятельство смягчало трагедию — ни один человек не пострадал. Пострадал город. И вновь одесситы потребовали у "отцов города" построить театр.

Был объявлен конкурс. Из 43 проектов выбрано предложение двух венских архитекторов Ф. Фельнера и Г. Гельмера. Не будем забывать, что при строительстве не наблюдателями, а участниками были городской архитектор Одессы А. Бернардацци, архитектор Ю. Дмитренко (только что мы еще раз убедились в таланте этого мастера, увидев, как красиво вписал он в Екатерининскую площадь памятник Основателям Одессы) и архитектор Ф. Гонсиоровский.

На открытие театра, а оно состоялось 1 октября 1887 года, приехал один из авторов проекта Ф. Фельнер. Эмоциональный человек, автор десятков оперных театров, в частности, в Вене, во Львове, Ф. Фельнер не удержался и воскликнул: "Это лучший театр в мире!".

Прошло 120 лет, и после сложнейшей реставрации вновь театр открыл свои двери.

Сколько чудес в Украине? Пусть считает пан Томенко! Я убежден, что Оперный театр — чудо мировой архитектуры! Чудо Одессы!

Евгений Голубовский

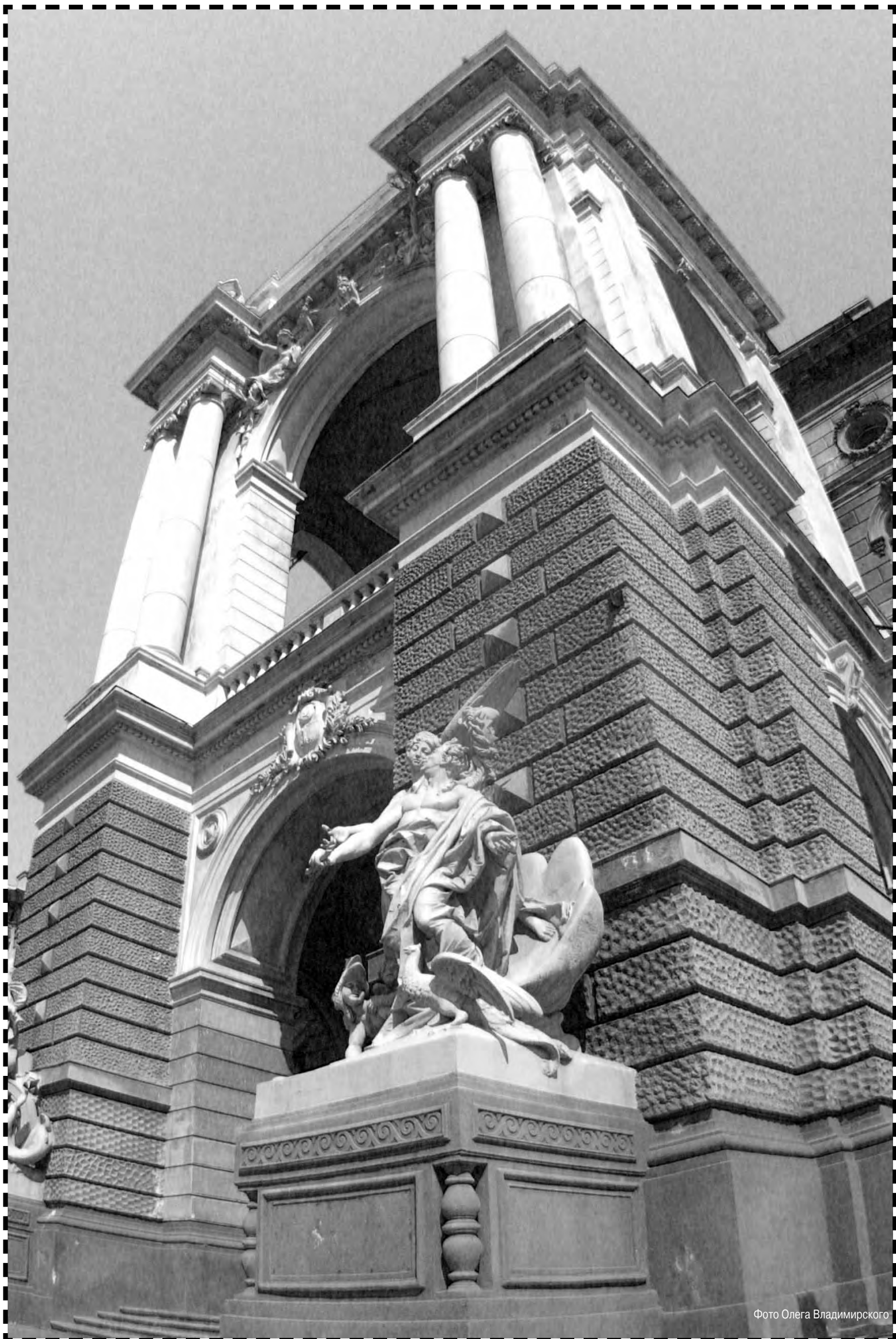

Фото Олега Владимировского

ПАМЯТИ ЛЬВА МЕЖБЕРГА

17 июля 2007 г. скончался Лев (Лосик) Межберг, прекрасный художник, истинный одессит, живший в Нью-Йорке, Париже и Карфаге, гражданин мира, как он сам о себе говорил. Лев вынужден был эмигрировать из родной Одессы в 1973 г., чтобы не воспевать грядущие победы социализма. Он многое выстрадал, пока не был признан на Западе. Никогда ради денег не изменял своей неповторимой манере писать. Жил небогато, и до последнего дня довольствовался тем, что хватало на краски. Он щедро делился картинами с друзьями, знаменитыми и рядовыми коллекционерами, выдающимися деятелями нашего времени.

Сейчас сын Лосика Андрей, талантливый художник, и его семья заботятся об установке достойного памятника на могиле Льва Межберга в городе Дарнен (штат Кон-

нектикут, недалеко от Нью-Йорка), возможно, к годовщине смерти и 75-летию со дня рождения (24 августа 2008 г.). Множество людей выразили желание ответить любимому Лосику, как в 19 веке "А.С. Пушкину — гражданину Одессы", и внести свой вклад в сохранение памяти о нем. Для сооружения и содержания памятника художнику Льву Межбергу открыт счет в банке на имя его сына.

Одесситы, друзья, коллекционеры, отзовитесь! Направляйте чеки в "Lev Meshberg Memorial Fund" по адресу: Andrew Meshberg, P.O. Box 944, Darien, CT 06820-0944. Укажите ваш e-mail. Любая помощь будет принята с благодарностью. Не стесняйтесь, глядя в его картины? Будем щедрыми. "Бог сохраняет все" (И. Бродский, опытный поэт, живший в Одессе в мастерской Л. Межберга).

Группа друзей

...Берлинский клуб одесситов направил письмо Э. Турвицу с благодарностью за прекрасный праздник, подаренный зарубежным диаспорам, в том числе, и нам. Мы просим передать также нашу признательность опекавшим нас Ларисе Анатольевне Терехиной и Алле Петровне Шостак. Мы также благодарны Всемирному клубу одесситов за теплый прием, внимание и организацию круглого стола...

Михаил Мисожики, Семен Аледорф,
Берлинский клуб одесситов
samsonsemen@web.de

На вашем сайте мы нашли упоминание о руководителе генеалогической службы Лилии Тригорьевне Белоусовой. Много лет назад мы потеряли ее контактную информацию. Не могли бы вы сообщить ей об этом письме от Нины Платарчук? Заранее вас благодарим.

Нина
vlad543@gmail.com

Уважаемый Евгений Михайлович!

Спешим поделиться хорошей новостью! Объявлены финалисты Всероссийского драматургического конкурса "Действующие лица — 2007". Из 540 пьес, отправленных на конкурс, компетентное и представительное жюри отобрало семь.

В семерку лучших вошла пьеса А.Е. Мардана "Антракт (Непримечное название)". Таким образом, Александр Евгеньевич стал лучшим драматургом, так как остальные шесть — драматургессы.

Председатель жюри конкурса: А. Смелянский, члены жюри: И. Барнетова, А. Казанцев, Р. Козак, Д. Крымов, К. Ларина, И. Райхельгауз, В. Третьяков, М. Угаров, А. Филозов, М. Хмельницкая.

С уважением, Анастасия

Здравствуйте!

Огромное спасибо за свежее сообщение о прошедшем открытии Памятника. Я очень болезненно переживаю весь этот процесс. Оппозиция, далекая от любви к городу и понимания художественного и градостроительного значения памятника именно такой композиции, какую создали скульпторы Петров, Эдуардс и арх. Дмитриенко, может пойти на крайние меры. Это будет в моральном смысле позором трагедии, разыгравшейся в 1920 году! Завтра позвоню В. Талызину, поблагодарю за активное участие в восстановлении памятника.

С уважением и большой симпатией,
ваш Игорь Михайлович Безчаснов.
ibezchastnov@optonline.net

Уважаемый господин Рукман,

Я являюсь помощником профессора Венской дипломатической академии г-на Мелани Суми, которая в настоящее время руководит подготовкой к изданию сборника научных статей об Одессе (план я прилагаю). В связи с этим проф. Суми

хотела бы узнать, заинтересован ли ваш клуб в публикации информации о нем в нашей книге?

С уважением,
Петр Дьяков
pescho@rambler.ru

Уважаемый господин Рукман,

Нам очень приятно, что вы заинтересовались нашей публикацией и хотели бы сообщить нам условия: мы готовы опубликовать информацию о вашей организации объемом до одной страницы на английском языке. В свою очередь, мы бы хоте-

ли видеть рекламную информацию о нашей книге на вашем интернет-сайте и провести презентацию книги в мае 2008. Мы будем рады, если вы сможете предоставить нам подходящее помещение.

С уважением,
Петр Дьяков

Уважаемый Леонид,

Подтверждаю получение вашего сообщения. Я передал его содержание моей начальнице, г-же Суми, и она очень порадовалась, все условия ее устраивают. Со своей стороны, мы хотели бы на всякий случай уточнить, что презентацию плани-

руем между 19 и 31 мая 2008. Ждем информацию о вашем клубе (естественно, перевод на английский язык беру на себя).

С уважением,
Петр Дьяков
pescho@rambler.ru

Прошло уже полгода, с тех пор как Всемирный клуб одесситов выступил с инициативой сбора средств на создание в Одессе памятника великому земляку — писателю И.Э. Бабелю. Сейчас мы уже можем подвести итог работы за эти месяцы.

Согласно распоряжению городского головы, в котором инициатива была поддержана, клубу было поручено проведение информационной работы, чтобы создать фонд для аккумуляции средств. Мы разослали информацию о нашей инициативе в русскоязычные газеты США, Канады, Германии, Израиля, во все организованные объединения одесситов.

Жителям Одессы и ее гостям мы предложили прийти в клуб и за 15-20 минут, пока наши сотрудники оформят вклад в банке, ознакомиться с нашей работой, выпить чашечку кофе или чая, выбрать себе книгу на книжных полках... Каждому, кто пришел, вручено свидетельство-благодарность за участие в столь благородной акции и финансовый документ банка, подтверждающий перевод денег на счет.

Банковские системы Америки, Германии, Израиля специфичны, и это сказало: практически нет перечислений средств на счета, открытые в этих странах горсоветом. Сегодня совместно с объединениями одесситов за рубежом мы ищем альтернативные способы решения этой задачи.

Но несмотря на возникающие трудности, процесс идет. К 1-му ноября на счет, открытый горсоветом для аккумуляции средств на памятник, поступило 50850 грн. (10170 долл.), в том числе: из Украины — 30684 грн., США и Канады — 10675 грн., России — 4690 грн., Германии — 2260 грн., Франции — 690 грн., Швеции — 500 грн.

Одесская газета

для интеллигентных людей

«ТИКВА — ОР САМЕАХ»

Подписка на 2008-й год оформляется в любом подписном отделении Одессы и Одесской области

Подписной индекс 22921

Татьяна ЛЕЙЗЕР ОТ ОБЩЕГО К ЧАСТНОМУ

Одесские новостройки оттянули на себя значительную часть потенциальных покупателей коммунальных квартир

Слово "коммунальный" произошло от латинского *communis* — "общий". Поколениями советские люди жили вот такой — коммунальной, общей с чужими семьями — жизнью. А многие, в том числе и одесситы, поныне остаются обитателями "коммун" — несмотря на эпоху великого расселения, пик которой пришелся на 1990-е. Среди причин, по которым не выкупаются оставшиеся коммуналки, риэлторы называют ветхость домов, непрестижность их месторасположения, сложности с расселением и появление большого количества новостроек.

МИР ХИЖИНАМ, ВОЙНА ДВОРЦАМ

Излишний большевистский задор в реализации этого лозунга привел к тому, что дворцы превратились в хижины, вернее — в бараки. Иосиф Бродский в эссе "Полторы комнаты" вспоминал коммуналку своего детства: "Наши полторы комнаты были частью обширной, длинной в треть квартала, анфилады, тянувшейся по северной стороне шестизэтажного здания. (...) Законченное в 1903 году, (...) оно стало архитектурной сенсацией Санкт-Петербурга того времени. После революции, в соответствии с политикой "уплотнения" буржуазии, анфиладу поделили на кусочки, по комнате на семью".

Кстати, в материалах питерского же виртуального музея "Коммунальная квартира" есть воспоминания о том, что зачастую пролетариев переселяли в "буржуйские хоромы" чуть ли не насильно. Рабочие не привыкли ни к большим пространствам барских домов, ни к приличным удобствам, ни к тесному общению с представителями другого социального слоя. Что уж говорить о том, как отнеслись к "уплотнению" бывшие хозяева комфортабельных квартир... Но человек привыкает практически ко всему, и коммуналки стали обычным атрибутом советской жизни. Очень емко высказался в программе на радио "Свобода" известный российский психолог Владимир Леви: "Если без хамства, то в коммуналке совсем не так уж плохо. Но вот без хамства мы можем жить очень редко и мало".

ВОЙНА ХИЖИНАМ, МИР ДВОРЦАМ

Луч света пробился в коммунальное царство в девяностых годах недавнего столетия — когда какое-то количество людей уже сумело заработать деньги на достойное жилье, а строительный бум еще не начался.

"Какая альтернатива была у человека, желавшего приобрести просторное — 150 квадратных метров и больше — жилье? Только расселять коммуналку", — говорит управляющий филиалом одесского агентства недвижимости "Александр Н" Сергей Усов.

Директор АН "Пеликен" Владимир Оприщенко добавляет, что среди самых привлекательных одесских "коммун" — квартиры в "белгийках", то есть зданиях, построенных бельгийским обществом в начале XX века. При возведении этих домов использовались железобетонные перекрытия, здания оборудованы лифтами... Рассчитанные на 50 лет, "бельгийки" верой и правдой служат одесситам до сих пор.

Еще один аргумент в пользу приобретения конкретной коммуналки — ее нахождение на последнем этаже: собственник выкупает затем чердак или строит мансарду и ста-

новится обладателем двухэтажного жилья. "Один известный живописец приобрел небольшую коммунальную квартиру на последнем этаже, сделал выход на чердак, который превратил в мастерскую. А квартира расположена так, что художник, не покидая ее, может писать расцветы и закаты", — рассказывает Владимир Оприщенко.

Это — о "верхах". А "низы" — абсолютное большинство коммуналок на первых этажах и с выходом на фасад — превратились в офисы.

Среди критериев выбора риэлторы называют местонахождение дома, его техническое состояние и архитектурные особенности, логичность планировки квартиры, наличие приличных соседей.

В целом же специалисты по недвижимости называют несколько основных причин долгожительства одесских "коммун".

Во-первых, это огромное количество новостроек, в том числе — в центральной части города. У таких домов все преимущества "молодости", современности; зачастую и внешний вид гармонирует со старинным окружением. "Квартира в новостройке не требует внутренней перепланировки, а также капитальных вложений в ремонт", — подчеркивает Сергей Усов.

По наблюдениям Дениса Горленко, спрос на коммуналки резко снизился в конце прошлого года: "За квадратный метр в таком "неполноценном" жилье зачастую запрашивают более двух тысяч долларов,

решения опекуна совета, защищающего жилищные права детей. Кто-то из хозяев квартиры умер — необходимо ждать полгода до вступления в наследство, а за такое время могут измениться цены на недвижимость. Все это справедливо и для отдельного жилья, но в коммуналках факторов риска намного больше.

КОММУНАЛЬНЫЕ РЕКОРДЫ

Впрочем, одесским специалистам по недвижимости еще повезло: в нашем городе не так много по-настоящему огромных коммуналок, как в Москве, Санкт-Петербурге. Но и в Одессе у каждого агентства есть свои рекорды.

Фото Алексея Царева (Санкт-Петербург)

Впрочем, бывают и неординарные случаи. По словам руководителя АН "Пеликен", некую "коммуну" приобрели лишь ради того, чтобы заполучить вмонтированный в стену уникальный многотонный сейф работы итальянских мастеров!

ВЗРЫВООПАСНЫЙ МЕХАНИЗМ

Риэлторы сходятся во мнении, что за последние семь-десять лет число коммунальных квартир в Одессе уменьшилось примерно вдвое. Управляющий филиалом АН "Берега" Денис Горленко полагает, что их осталось примерно 25% от количества в 1990 году. Тем не менее, и в центре города, и на Молдаванке, и в некоторых других районах есть еще немало "общих" жилищ. Владимир Оприщенко считает, что на Молдаванке коммуналки раз в два больше, чем в Приморском и Центральном (по старому делению) районах вместе взятых. Увы, легендарность и международная известность бабелевской Молдаванки не спасают ее здания от ветшания, не прибавляют им красоты и удобства, вообще не делают район более престижным.

поэтому "коммуны" стали неконкурентоспособными по сравнению, в первую очередь, с квартирами в новостройках".

Во-вторых, нет гарантии, что затраченные на реконструкцию коммуналки усилия не пропадут втуне, отмечает Владимир Оприщенко: "Генеральный план Одессы только разрабатывается, соответственно — нет и правил застройки нашего города. Достаточно велик риск того, что дом снесут — после того как вы сделаете капитальный ремонт в "убитой" квартире! А Закон "О предоставлении компенсации жителям районов, подлежащих реконструкции", украинские парламентарии пока не принимают".

В-третьих, огромную роль играет вездесущий человеческий фактор. Купля-продажа коммуналки как никакой другой вид сделок с недвижимостью обрастает риэлторскими байками — смешными, грустными, поучительными... "Чем больше деталей в каком-либо механизме, тем больше вероятность поломки", — говорит директор АН "Пеликен". А уж "деталей" в "коммуне" хватает! У владельцев комнаты раньше срока родился малыш — процесс расселения тормозится, потому что надо получить документы на ребенка, ждать

"Самые большие в городе "коммуны" — на Пушкинской улице, — уверен Денис Горленко. — Там бывает до 25 семей и до тысячи квадратных метров!".

"Сейчас мы плотно работаем над интересной коммунальной квартирой общей площадью 403,5 квадратных метра, — рассказывает Владимир Оприщенко. — Количество зарегистрированных собственников — 52! А учитывая, что две комнаты не приватизированы, понимаем: число хозяев возрастет".

"Одна из самых больших выкупленных "коммун" на моей памяти — квартира в переулке Некрасова, — делится Сергей Усов. — Общая площадь — 380 квадратных метров, население — девять семей. Расселение такого жилья может занимать три-четыре месяца".

Работа с коммуналками особенно сложна еще и потому, что подобные квартиры расположены в старых и очень старых строениях.

"Однажды покупатель до сделки, но уже находясь в нотариальной конторе, решил на всякий случай снова посмотреть на свое будущее приобретение. Отправился на место и очень удивился... не обнаружив нужного дома. Здание просто провалилось в катакомбы!" — вспоминает Владимир Оприщенко.

С другой стороны, немало "коммун" находится в домах качественной старой постройки, отмечает учредитель АН "Союз" Аксения Сокур: "Это здания с мраморными лестницами, коваными перилами... Квартиры в таких строениях пользуются весьма высоким спросом".

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Казалось бы, коммуналки в большинстве своем уходят в прошлое: в районах получше такие квартиры выкупаются, в районах похуже просто сносятся старые дома. Но, как ни странно, появляются новые "коммуны". На сей раз власти и идеологии ни при чем, причина снова-таки в человеческом факторе. Это происходит, когда после развода непримиримые бывшие супруги не продают общее жилье, а делят лицевые счета и либо живут под одной крышей, но уже просто как соседи, либо продают свои доли квартиры.

"Таких случаев, к сожалению, достаточно, но — не много, — заверяет глава "Пеликена". — Как правило, выгоднее продать стандартную квартиру целиком, а потом в определенной пропорции поделить деньги — добровольно или по решению суда. Если экс-муж или жена продает свою часть жилья, бывает проблематично даже просто показать ее потенциальным покупателям. Если раздел произведен не в равных долях, будущему собственнику придется решать сложные вопросы пользования частью кухни, балкона. А если комнаты смежные?.."

"Подобные случаи — скорее исключение, чем правило, — поддерживает коллегу сотрудник "Александра Н". — Взрослые цивилизованные люди могут договориться и разделить совместное имущество, не доводя ситуацию до раздела лицевых счетов, а тем более — до продажи части квартиры. Ликвидность такой жилплощади — очень низкая".

В чем главная сложность при работе риэлторов с коммунальными квартирами?

Аксения Сокур, учредитель АН "Союз":

"Хозяевами подобной жилплощади бывают пять-десять семей, и у каждой — особые пожелания к своему будущему жилью, которые, к тому же, часто меняются. Совсем запутанной становится ситуация, когда кто-то из собственников не живет в расселяемой "коммуне", тогда приходится тратить много сил и времени, чтобы разыскать таких владельцев".

Сергей Усов, управляющий филиалом АН "Александр Н":

"Основная сложность — это, конечно, расселение жильцов "коммун". Зачастую они предъявляют завышенные, неадекватные требования. Это увеличивает стоимость квартиры и делает жилплощадь неликвидной".

Владимир Оприщенко, директор АН "Пеликен":

"Риэлтор при расселении коммуналки подобен саперу — может ошибиться только раз. Подобная квартира — это самый сложный загадочный механизм, живущий особой жизнью. Заданность не те струны человеческой души — и последует эмоциональный взрыв, расселение отменяется".

Денис Горленко, управляющий филиалом АН "Берега":

"Из-за большого количества собственников часто происходят нестыковки. В моей практике был такой случай. Хозяйка "коммуны" согласилась на 250 тысяч долларов за всю квартиру, покупатель дал задаток. А уже перед расчетом один из владельцев решил, что ему не подходит предложенный вариант жилья, не подходит оговоренная сумма... "Аппетит" вырос на 75 тысяч долларов! И процесс затянулся на полгода. Покупатель за это время поседел. Ведь он дал большой задаток, который "коммунары" быстро потратили. Покупателю оставалось только соглашаться на все новые условия продавцов".

Благодарим журнал "Статус" за помощь в подготовке материала.

ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ СЕНТЯБРЯ

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Ярко-розовый закат освещает величественную панораму приближающегося аэропорта им. Кеннеди. Глядя сверху на Гудзонский залив, я подсчитал: это уже третья моя поездка в Штаты. Тут живет много моих друзей, приятелей, коллег по работе, с которыми всегда приятно встретиться здесь, еще чаще — в родной Одессе, которую они, влюбленные неизбывной ностальгией, посещают с завидной регулярностью.

Но этот мой приезд особенный, я лечу сюда с миссией, важной не только для членов Всемирного клуба одесситов, но и для города в целом, и для каждого отдельно взятого одессита. Но об этом позже, без спешки. Пока же я мчусь подалеже от взлетно-посадочных полос в сторону крупнейшего мегаполиса мира под названием Нью-Йорк. В аэропорту меня встретил, не дав потеряться в шумной многоязычной толпе, и везет, попутно расспрашивая обо всех последних одесских новостях, Александр Бут, коренной одессит, основатель Одесского отделения "Ротари-клуба", всемирной благотворительной организации. Наша газета уже рассказывала об акциях в нашем городе, состоявшихся благодаря усилиям "Ротари-клуба".

Во время переезда, оживленно беседуя и попутно рассматривая стремительно меняющиеся пейзажи за окном, любящая статуей Свободы и Бруклинским мостом, мы не заметили, как опустились сумерки. Во время таких длительных перелетов организмы не успевают перестроиться — разница во времени ощутимая, человеческие биоритмы входят в конфронтацию с часовыми поясами. А завтра предстоит важная встреча, выступление, к которому следует основательно подготовиться, быть в форме.

ВНАЧАЛЕ БЫЛО "СЛОВО"

В начале сентября в Нью-Йорке открываются ставшие уже традиционными Одесские сезоны. И когда в Одессе проходят торжества по случаю Дня города и взвизгивает в небо праздничный фейерверк, отголоски праздника слышны и на другом конце земли, через океан.

Моя встреча с читателями журнала "Слово — Word" и членами Одесского землячества Нью-Йорка проходила в рамках празднования Дней Одессы в Нью-Йорке.

Двуязычный литературный журнал "Слово — Word" издается вот уже четверть века Центром культуры эмигрантов из бывшего Советского Союза и хорошо известен как в Америке, так и далеко за ее пределами. В становлении "Слова — Word" принимал участие замечательный писатель Сергей Довлатов. При его активном участии вышли первые девять номеров журнала. Об этом интересном периоде хорошо пишет в биографическом романе о безвременно ушедшем писателе Людмила Штерн, член редакционной коллегии "Слова — Word", кото-

рую с Довлатовым связывала большая дружба еще с периода их петербургской юности. За долгие годы работы в журнале печатались И. Бунин и И. Эренбург, В. Максимов и Н. Коржавин, Р.М. Рильке и М. Алданов. В Центре культуры и состоялись десятки встреч с выдающимися литераторами: И. Бродский и Б. Окуджава, А. Межиров и М. Жванецкий, А. Синявский и Ф. Горенштейн... Публикации журнала освещают творчество русскоязычных писателей и поэтов, живущих в Нью-Йорке и Москве, Чикаго и Петербурге, Лос-Анджелесе и Одессе.

"Слово — Word" — один из двух американских журналов, представленных на российском интернет-сайте "Журнальный зал", на который заходят русскоязычные читатели всего мира.

И этим журналом на протяжении всех лет бессменно руководит Лариса Шенкер, личность, достойная отдельного рассказа.

"ЧТО НАМ СТОИТ ДОМ ПОСТРОИТЬ"...

Лучшего девиза, жизненного кредо для Ларисы Шенкер трудно придумать. Она — соиздатель по духу и по призванию. Отсюда и выбор профессии. В Одессе она познавала азы архитектуры, там же полученные знания успешно реализовывала. Молодой специалист, сотрудник "Гипрограда", Лариса Иосифовна еще в 1958 году была удостоена заслуженных лавров в виде первой премии на Всесоюзном конкурсе жилых домов с малометражными квартирами. Тогда же, в 26 лет, стала самым молодым членом Союза архитекторов СССР. Подумать только, почти полвека прожито с тех самых пор! И сделано тоже немало. Проектирование и реконструкция десятков одесских зданий, торговых комплексов, рынков, клубов, развлекательных центров. Они и сегодня стоят, прочно вписавшись в облик Дерибасовской, Екатерининской, Аркадии... Последние годы перед эмиграцией Лариса Шенкер руководила отделом экспериментального проектирования при архитектурном факультете Одесского инженерно-строительного института. Не потерялась одесситка и в новой стране, и уже тридцать один год здесь — в любимой профессии. С 1991 года занимает должность руководителя проектов в крупной государственной проектной компании, обслуживающей Нью-Йорк. Но если архитектура — это бизнес, дело, то выпуск литературного журнала — творчество, вдохновение. С 1982 года он регулярно выходит в свет, разлетаясь по миру, объединяя людей, живущих на разных континентах.

"Если сначала наш журнал считал своей главной целью помощь во взаимопонимании русской и американской культур, то поздней мы расширили свои задачи до поисков взаимопонимания между людьми

Бруклинский мост, Нью-Йорк. Фото Юрия Чека

разных религий, национальностей, возрастов".

Пятьдесят пять объемных содержательных номеров "Слова — Word", содержащих поэзию, прозу, публицистику, снабженных иллюстрациями, появились за эти годы. Один из них, сорок второй, стал для Ларисы Шенкер особенным, поскольку целиком состоял из произведений одесситов. Кстати, после встречи в "Слове — Word", в последний день моего пребывания в США, Лариса Шенкер попросила дать интервью для следующего номера журнала.

МИССИЯ ВЫПОЛНИМА

В конференц-зале редакции журнала состоялась мое первое выступление в Америке, тема которого звучала так: "Одесса была, есть и будет!". Понятно, что вечер был наполнен не только воспоминаниями о прошлом нашего любимого города, но и рассказом о его сегодняшних буднях и праздниках, о том, чем живет Южная Пальмира, во что верит, как развивается, какие планы строит. Некоторых из участников вечера я знал лично, с кем-то был знаком заочно. Среди тех, кто пришел на эту встречу, были известные коллекционеры: Виктор Корченков, Леонид Нейман, Алекс Корхов, художник и архитектор Илья Шенкер, доктор технических наук Анатолий Пикман, мои друзья по Одессе Аркадий Гулько и Александр Шварцапель...

Никого из присутствовавших не оставила равнодушным главная одесская новость (она же — главная цель моей поездки) — сооружение

в Одессе памятника выдающемуся писателю Исааку Бабелю. С такой инициативой выступил весной этого года Всемирный клуб одесситов. У нашего города есть исторический пример создания памятника любимому писателю на средства горожан — именно так был сооружен памятник Александру Сергеевичу Пушкину на Приморском бульваре.

Руководство города идею одобрило. Были открыты счета в банках, гривневый и валютные, где аккумулируются средства, необходимые для возведения памятника. Задача информировать одесскую диаспору об организации сбора средств была возложена на Всемирный клуб одесситов. За четыре месяца было собрано более десяти тысяч долларов. Но дальше дело застопорилось. Работа с банками США оказалась сложной и неэффективной. Поэтому на встрече с руководством Одесского землячества в Нью-Йорке решали вопрос альтернативного получения пожертвований на памятник. Сама эта идея, кажется, еще более объединила и сплотила моих бывших землячков. Всем уже не терпится приехать на открытие памятника в Одессу. А для того чтобы это состоялось, никаких усилий не жалко.

"КТО СКАЖЕТ, ЧТО ЗНАЕТ ЛУЧШЕ?"

Утром 8 сентября вместе с Алексом Корховым мы отправляемся в один совершенно необычный для Америки дом в пригороде Вашингтона. Общаться с Алексом чрезвычайно интересно. Одессит в четвертом поколении, уехавший из родного города мальчишкой, в четырнадцать лет, он знает об Одессе все. Ну, или почти все. Кажется, что его солидная должность в Комиссии Нью-Йорка по правам человека существует лишь для отвода глаз. На самом деле его страстно интересует только то, что касается Одессы. Живя в Америке, он собрал редкую коллекцию старинных открыток, посвященных нашему городу, любовь к которому привил ему отец Михаил Корхов, международный гроссмейстер по столеточным шашкам. Кто-то из одесситов, может, еще помнит его. На протяжении последних пяти лет Алекс активно сотрудничает со Всемирным клубом одесситов. Именно он перевел на английский язык тексты Олега Губаря к книге "Одес-

са в новых памятниках, мемориальных досках и зданиях", вышедшей несколько лет назад.

В беседах об Одессе мы незаметно быстро одолели приличное расстояние, оказавшись в гостях у людей, которые тесными узами связаны не только с Одессой, но и с... Бабелем.

ОДЕССКИЙ ДОМ ПОД ВАШИНГТОНОМ

С выпускником знаменитой одесской 116-й школы, ныне программистом большой финансовой компании Евгением Калинским я познакомился благодаря сайту Всемирного клуба одесситов, на который он как-то забрел. С тех пор мы находимся в постоянной переписке. Сайт подарил мне дружбу и с Алексом Корховым. Евгений и его жена Светлана за последние годы уже дважды посещали Одессу, стали активными членами нашего клуба. В Америке Калинские уже 19 лет. Оба одинаково увлечены искусством, еще с юных лет (Евгений учился в Москве, Светлана — в Ленинграде, имели возможность посещать многочисленные выставки, спектакли, концерты). Лет десять назад, когда, наконец, появилась возможность, они взялись собирать работы одесских художников. И сегодня их коллекции может позавидовать хорошая одесская галерея: Ефим Ладыженский, Юрий Егоров, Люсьен Дульфан, Юрий Коваленко, Адольф Лоза, Лев Межберг, Иосиф Островский, Дина Фрумина, Орест Слешинский, Валентин Хрущ, Валерий Басанец, Илья Шенкер, Михаил Черешня... Личное знакомство со многими художниками очень в этом помогает.

Когда мои восторги от осмотра работ одесских художников несколько утихли, Женя и Света, улыбнувшись, заявили: "Одесские художники в Америке в почете. Не веришь? Поехали". И мы отправились в Галерею Еврейского центра Вашингтона, где в то время действительно развернулась выставка одесского художника Ефима Ладыженского (1911-1982). В числе экспонируемых работ две — из коллекции Калинских. Кроме этой галереи мы побывали в известном на весь мир вашингтонском Арт-музее, открытом десять лет назад Музее Холокоста, в Музее космонавтики, где запомнилась одна деталь, очень меня рассмешившая. Форма советского космонавта была снабжена надписью "Иван Иванович".

Редактор журнала "Слово — WORD" Л. Шенкер

Гости редакции журнала "Слово — WORD"

У Калинских большой круг друзей. Они часто навещают известного одесского художника Александра Ануфриева и его жену Татьяну Анисимову, живущих в Вирджинии. Евгений даже снял о них небольшой фильм — озеро, горы, огромная студия, Таня и Саша импровизируют на виолончели. Музыка — важная часть жизни семьи Калинских тоже. У них огромная фонотека, в которой на CD и DVD — классика и джаз, бразильские ритмы и музыка фламенко... Дважды в год в своем большом гостеприимном доме Евгений и Светлана организуют джазовые концерты с участием популярных музыкантов.

В их огромной домашней библиотеке — сотни томов книг, на русском и английском языках. А вот телевизора — нет. Калинские ценят драгоценное время, поэтому предпочитают заказывать фильмы и смотреть их на домашнем киноэкране.

ЧЕЙ ОН, ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО?

Евгений и Светлана поддерживают дружеские отношения со вдовой Исаака Бабеля Антониной Пирожковой, ее дочерью и внуком, живущими ныне во Флориде. А завязалась эта дружба вот как. Светлана, ныне — консультант по международному усыновлению детей, раньше занималась вопросами эмиграции. К ней-то и попали на рассмотрение документы А.Н. Пирожковой. С тех пор они часто приезжают во Флориду, навещая Антонину Николаевну, которой в этом году исполнилось 98 лет, звонят ей. Мне тоже посчастливилось поговорить со вдовой нашего знаменитого писателя. Антонина Николаевна была рада услышать, что в родном городе Исаака Эммануиловича собирают средства на создание памятника. "Я и не ожидала такого внимания. Благодарю вас", — искренне обрадовалась она.

Но у меня был еще один сюрприз и для Калинских, и для вдовы писателя. Я привез в США копию уникального 30-минутного документального фильма "Одесса", снятого на 1-й Комсомольской одесской кинофабрике в 1935 году. Задуманная как большевистская "агитка", картина, однако, представляет огромный интерес, поскольку позволяет увидеть довоенный город, в том числе с высоты птичьего полета (съемки велись и с самолета), во всей его красоте и неповторимости. Так вот, в титрах фильма мы обнаружили строчку: автор текста — И. Бабель. А что если писатель и драматург сам озвучивал картину? — задались мы вопросом. И решили это проверить. Рассказав о фильме по телефону и даже дав послушать его внуку, мы почтой отправили кассету Антонине Николаевне во Флориду. Вскоре она перезвонила: фильм очень понравился, но голос — определенно не Бабеля. Что ж, теперь истина установлена, но эти два дня ожидания были очень волнующими.

10 сентября мы с Алексом Корховым вернулись в Нью-Йорк, где у меня были запланированы новые встречи с представителями Одесского землячества. Один из них — Илья Шенкер.

ИТАК, Я ЖИЛ ТОГДА В ОДЕССЕ...

В 2004 году в Одессе было выпущено литературно-художественное издание. Знаменитая "одесская" глава поэмы "Евгений Онегин" Александра Сергеевича Пушкина в переводах на четырех языках вышла в оформлении прекраснейших иллюстраций. Их автор — известный художник, одессит Илья Шенкер. Его серия линогравюр о пребывании А. Пушкина в Одессе еще в 70-е годы была приобретена ленинградскими музеями. Эта же серия была издана в США в виде книги под названием "Пушкин в Одессе. 13 месяцев".

Участник Великой Отечественной

войны, Шенкер по-прежнему много работает. В редакции журнала "Слово — Word" висит его работа — большой портрет Сергея Довлатова.

Выпускник архитектурного факультета Одесского строительного института, он одновременно окончил и Одесское художественное

Илья Шенкер

училище. Некоторое время Илья Шенкеру удавалось совмещать обе эти профессии: работал архитектором и занимался живописью, участвуя в республиканских и всесоюзных выставках, пока, наконец, художник в нем не взял верх. Сегодня он признанный мастер, его выставки открываются в Италии и Швейцарии, Англии и Франции, с ним сотрудничают многие галереи мира. У них с супругой Ларисой Шенкер очень прочный союз — любящих людей и единомышленников. Все, что касается Одессы, они воспринимают одинаково близко к сердцу и уверены, что необходимые средства на создание памятника И. Бабелю в Одессе общими усилиями удастся собрать за несколько месяцев.

У ШТУРВАЛА

До недавнего времени работой Одесского землячества руководил одесский инженер-конструктор и известный журналист в одном лице Игорь Казацкер. Одесситы должны еще помнить шутки этого веселого и находчивого капитана команды КВН Одесского института инженеров морского флота и его острые публикации во многих одесских СМИ. Он и сегодня тесно связан с журналистикой, является редактором службы информации и ведущим программы "Городские новости". Передав бразды правления в землячестве, Игорь Казацкер по-прежнему активно сотрудничает с этой организацией. Сегодня председатель совета директоров Одесского землячества в Нью-Йорке — Валерий Савинкин, вице-президент — Борис Талис.

Валерий Савинкин является также одним из основателей и исполнительным директором общественной организации "Семья 11-го сентября". Нью-Йоркская трагедия 2001 года непосредственно коснулась и его: во Всемиром торговом центре погиб его сын Владимир Савинкин. На здании одесской средней школы № 83, где он учился, теперь установлена мемориальная доска. Проект установки осуществлен Валерием Савинкиным совместно с одесской мэрией.

Борис Талис — двукратный чемпион мира по самбо среди мастеров-ветеранов, автор трех книг под общим названием "С Америкой на "ты".

Два заседания Одесского землячества проходили на берегу океана,

в Бруклине. Там размещается офис Б. Талиса и редакция газеты "Одесса-на-Гудзоне", которую он возглавляет. В этой газете и было решено разместить статьи, рассказывающие об одесской инициативе.

И Савинкин, и Талис — технари. А вот член совета директоров землячества Исаак Вайншельбойм до эмиграции работал в Одессе адвокатом. Здесь же пишет книги и статьи по искусству, как живописец сам участвует в художественных выставках.

Вот, собственно, кто стоит у руля Одесского землячества.

С руководством мы договорились, что Одесское землячество в Нью-Йорке откроет специальный счет, на который одесситы диаспоры США могли бы делать взносы. Так, в русскоязычных средствах массовой информации появилось обращение, в котором подробно рассказывается, как можно осуществлять персональным или бизнес-чеком благотворительные взносы на памятник И. Бабелю в Одессе. Полученные средства будут депонироваться на специальном счете Одесского землячества в Нью-Йорке, а затем в полном объеме будут пересылаться на спецсчет в Одессу. Реестр благотворительных взносов пополняется постоянно. В него включены данные физических лиц и организаций, оформивших их через клуб, аналогичные данные тех, кто перечислил средства на спецсчета, открытые как одесским горсоветом, так и в различных странах зарубежья (с указанием размера взносов).

После того как памятник будет установлен, этот реестр, но уже без указания размера взносов, будет передан в Государственный архив Одесской области на вечное хранение, как это было сделано после установки памятника А.С. Пушкину.

СКОЛЬКО ВЕРСТ ДО ЧИКАГО

Из Нью-Йорка я на восемь дней отправился в Чикаго. Одесского землячества там, увы, не было, но одесситов живет много. Среди них — мои бывшие коллеги по НИИ. Узнав о цели моего визита и о грандиозном проекте, который затевается в Одессе, они, не сговариваясь, не обращаясь к услугам банков и почтовой службы, собрали за время моего пребывания там приличную сумму и вручили ее мне: "Отвезешь в Одессу. (Что я с благодарностью и сделал.) Великий сын нашего города должен быть увековечен". К слову добавлю, общая сумма пожертвований на памятник Исааку Бабелю на личные средства, сделанная жителями Чикаго, Нью-Йорка и Вашингтона, составила ни много ни мало — полторы тысячи долларов.

КТО ВЫ, ОДЕССИТЫ ДИАСПОРЫ?

Почему-то многие мои бывшие земляки, отплывая за океан, берутся за коллекционирование. В крайнем случае — за кисть, карандаш и ручку или за фотоаппарат.

С Юрием Чека я познакомился в прошлом году в Одессе. Он тогда во второй раз за время эмиграции приезжал в родной город. Как Юра сам шутит, всю свою сознательную и несознательную жизнь он отдал

Рокфеллер-центр, Нью-Йорк. Фото Юрия Чека

ЧМП. Там начинал работать сначала как матрос, затем — как фотограф, последняя запись в трудовой — "отдел рекламы ЧМП".

В этот приезд Юрий сделал много отличных фотографий, которые вместе с его видами Нью-Йорка мы разместили на сайте Всемиром клуба одесситов (www.odessitclub.org).

За время посещения Нью-Йорка я несколько раз встречался с Ю. Чека. Мы много говорили о жизни в Нью-Йорке и о его планах в области фотографии. Он показал мне свои новые фотоработы, теперь их могут увидеть и читатели газеты, а прощаясь, задумчиво бросил: "Тело находится в США, а душа осталась в Одессе — с огромной любовью к моему самому любимому городу".

Два года назад, в 2005-м, в Одесском литературном музее прошла необычная выставка, состоявшая всего... из одного экспоната. Но какого! Одессит, живущий ныне в США, известный нью-йоркский коллекционер Леонид Нейман привез в подарок городу скульптуру, принадлежавшую Владимиру Издебскому, организатору знаменитых художественных выставок в Одессе, получивших название "Салоны Издебского". Это дар дочери художника. А Леонид взял на себя доставку этого произведения искусства в родной город. По профессии Л. Нейман — рентгенолог, но большую часть жизни отдает изучению истории искусств и собирательству. В его коллекции — русская графика начала XX века, рисунки, афиши русских художников: Анненкова, Бенуа, Добужинского, Гончаровой, Ларионова, иллюстрированные книги. В Одессе Леонид был активным участником научной секции книги Дома ученых. И сегодня он не теряет связи с родным городом, активно сотрудничает с Одесским литературным музеем. В его планах — приезд в Одессу в следующем году.

Имя Виктора Корченова знакомо многим одесским краоведам, собирателям и коллекционерам. Он автор множества статей по истории Одессы. Еще в школьные годы

В. Корченов серьезно занялся коллекционированием — открытки, значки, медали и жетоны. В Одессе он выпустил брошюру "О чем поведали медали". В Нью-Йорке продолжил эту работу, издав книгу "Одесса в медалях, жетонах, значках (1817-1917-1941 гг.)". Активный член Одесского землячества, Виктор Корченов часто присылает свои статьи для публикации на сайте клуба.

Об Анатолии Пикмане я много слышал, хотя не был знаком лично с этим человеком. Теперь это упущение исправлено. Потомственный одессит, доктор технических наук, профессор Одесского политехнического института, ныне он серьезно занимается вопросами малого бизнеса. Два года назад он даже издал книгу для предпринимателей, и сейчас реализует свои идеи на практике. Мы обсудили с Анатолием возможности сотрудничества с помощью Всемиром клуба одесситов в вопросах развития деловых контактов и экономических отношений между предпринимателями Нью-Йорка и Одессы, а также организации обучающих курсов для молодых бизнесменов с помощью Интернета. Надеюсь, это будет обоюдополезно.

Одной из последних моих встреч на американской земле была встреча с замечательным, без преувеличения, человеком, членом Одесского землячества в Нью-Йорке Игорем Безчастновым. Когда я прилетел в США, он находился в Одессе, но перед моим отлетом на Родину успел вернуться. Академик архитектуры, Игорь Михайлович — продолжатель семейной династии архитекторов. Еще его дед был главным архитектором Одессы. И. Безчастнов учился сначала на архитектурном факультете Одесского строительного института, затем — в Академии архитектуры и строительства в Киеве. Сотни архитекторов прошли школу Игоря Безчастнова. Одна из его работ в родном городе — памятник Льву Толстому. Сегодня Игорю Николаевичу 83 года. Но он по-прежнему много работает — пишет с натуры пейзажи, наблюдая за приливами и отливами океана, устраивает выставки. Мне удалось встретиться с ним, побывать у него в гостях. Он рассказывал, как съездил в Одессу, как побывал на одном из тематических вечеров в нашем клубе. И еще Игорь Николаевич произнес запомнившуюся фразу, которую в этот приезд я слышал не раз: "Настоящему одесситу никакой Нью-Йорк не может заменить Одессу у Черного моря".

Леонид РУКМАН.

Записала Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ.

P. S. Вернувшись в конце сентября в Одессу, я узнал, что на специальный счет в Нью-Йорке уже начали поступать чеки на памятник И. Бабелю.

Совет директоров Одесского землячества Нью-Йорка в неформальной обстановке

Светлана и Евгений Калинские

В первый раз мы встретились в большой аудитории мехфака Одесского политеха 1 сентября 1953 года. Экзаменационная стра- да была уже позади, и впервые все собрались вместе. Большинство были юными, вчерашними школьниками — одни зажатые, другие чересчур оживленными. Но всех объединяло радостное настроение — мы вступали в новую жизнь.

Мое внимание привлек худощавый мальчик с вьющимися каштановыми волосами. Я не случайно назвал его мальчиком — он действительно выглядел очень юным. Дер- жался он спокойно, уверенно. Пред- ставлялся так: "Леонид, но вообще- то все зовут меня Лёка". После это- го к нему иначе не обращались.

С первых дней занятий мы сидели рядом, потом разговорились. Ока- залось, что наши школы расположе- ны недалеко одна от другой, на- шлись общие знакомые. Потом выяс- нилось, что наши родители давно знакомы: отцы были инженерами-руководителями еще в довоенной Одессе. Постепенно завязались дружеские отношения, не прекра- щавшиеся все институтские годы.

Мы стали бывать друг у друга до- ма, почему-то чаще у Лёки. Вместе готовились к семинарам, практиче- ским занятиям. Но постепенно от учебных тем переходили к более жи- вым и интересным. Как правило, по- сле работы заходил отец Лёки Яков Моисеевич, интересовался прошед- шим днем, шутил, что-то рассказы- вал, взвешивал Лёкины волосы и уходил — как мне казалось, в дру- гую комнату. Только через несколько месяцев Лёка рассказал мне, что у отца много лет другая семья, он жи- вет в другом районе города, но еже- дневно навещает Лёку и своих роди- телей (они жили вместе с внуком). Яков Моисеевич Розенталь стал для меня примером человека, который после ухода из семьи остался на- стоящим отцом, сохранившим дове- рие сына. Не думаю, что общение Лёки с отцом было бы более близ- ким, если бы они жили вместе.

Лёка и я привыкли еще в школе (которую оба окончили с медалями) серьезно относиться к занятиям. Мы быстро и сравнительно легко схватывали учебный материал. Но основные наши интересы находи- лись за пределами учебных про- блем. Мы любили живое общение, которое занимало все наше сво- бодное время.

Я с удовольствием редактировал факультетскую стенгазету "Меха- ник", писал критические материа- лы, а в соавторстве с моим самым близким в жизни другом Женей Марголиным — фельетоны. (Женя впоследствии стал известным про- фессиональным журналистом и ки- носценаристом, лауреатом Госу- дарственной премии СССР). В газе- те сотрудничали мой институтский друг Витя Денисенко, прекрасный художник и карикатурист Юра Таш- ман и другие способные и увлечен- ные этим делом ребята. Газета вы- зывала интерес, у каждого свежего номера всегда толпились студенты.

А Лёку влекла к себе сцена. Еще в школьные годы он увлекался пар- ным концераном со своим одно- классником Давидом Макаревичем — впоследствии известным кавээн- щиком, актером студенческого теа- тра "Парнас-2", а через много лет — театра "Ришелье". Они исполняли куплеты, музыкальные фельетоны, вели концерты. Когда Лёка и Давид стали студентами, их популярность вышла за рамки родной школы. Они выступали не только в своих инсти- тутах — политехе и холодильнике, но и вели городские слеты, конкурсы, концерты, вечера и пользовались большим успехом.

Обязанности конференсье часто предполагали его участие в органи- зации программы, которую пред- стояло вести. Поэтому Лёка как-то естественно начал заниматься тем, что принято было называть культу- рой (как мы небезопасно уточня- ли — не от слова "культ", а от слова "культура").

К четвертому курсу наша с Лёкой общественная деятельность вышла за рамки факультета. Комитет комсомола института получил тогда права райкома, так как на учете в нем было более четырех тысяч комсомольцев. Лёку и меня избрали в состав бюро этого комитета. Лёке поручили руководить культмассо- вым сектором, а мне — оргбюро, избрав впоследствии заместителем секретаря комитета. Секретарем ("освобожденным", т. е. получа- шим зарплату) был преподаватель теплофака Анатолий Лиференко — взрослый серьезный семейный че- ловек. А мы, мальчишки, иногда поз- воляли себе с ним спорить.

Один из примеров — нашумев- шая в городе кампания "борьбы с импрессионизмом". В актовом за- ле нашего института состоялся дис- пут, на котором был прочитан до- клад о современном изобразитель- ном искусстве, подготовленный группой студентов электрофака: Е. Голубовским (ныне — один из старейшин одесской журналисти- ки), А. Мейстелем, М. Винер, И. Юзефпольским и другими. Как- им-то образом о диспуте узнали за пределами института, и в зале кро- ме наших были студенты универси- тета, консерватории, художествен- ного училища, работники музеев.

Присутствовавшие слушали об импрессионизме, кубизме, абст- ракционизме и других направле- ниях в живописи с огромным инте- ресом. Немногочисленные репро- дукции картин, которые в зале пу- стили по рукам, большинство видели впервые.

Диспут стал событием в культур- ной жизни института, о нем говори- ли в городе.

Все было бы прекрасно, если бы через несколько дней в одной из одесских газет не появилась статья работника Музея западно- го и восточного искусства, в кото- рой диспут был подвергнут раз- громной критике как "пропаган- дирующий среди студентов мел- кобуржуазную идеологию". Ста- тья попала на глаза какому-то партийному чиновнику, который вставил этот факт в отчетный до- клад первого секретаря обкома партии как пример слабой идео- логической работы среди студен- тов. Оттуда это попало в передо- вицу "Правды Украины".

Что тут началось! В наш комитет пришел секретарь горкома комсо- мола В. Бондарчук, собрал бюро и сказал, что "есть мнение" о необ- ходимости организовать повтор- ный диспут, на котором дать оценку прошлому диспуту как идеологиче- ски вредному. Я и Лёка пытались возражать, нас от организации это- го мероприятия отстранили, но все равно я вспоминаю о нем с чувст- вом стыда. Выступали заранее под- готовленные ораторы — передовой токарь завода, сотрудник картин- ной галереи, преподаватель кафед- ры марксизма-ленинизма, спе- циально отобранные студенты. Они "с партийных позиций" клеймили подготавливших диспут ребят, назы- вали их отщепенцами, с которыми советским студентам не по пути. Ор- ганизаторы рассчитывали на едино- душное одобрение таких выступле- ний, но им это не удалось. На трибу- ну без разрешения председателст- вовавшего выходили разные люди — и специалисты по искусству, и про- стые студенты, которые поддержи- вали ребят. Шум, крики. Страсти на- калились. Женя Марголин потом на- писал шутиливое четверостишие:

Диспут шел. В грудь и в лицо
Друг друга ораторы тыкали,
Но какое тут может быть Пикассо,
Когда мы чуть в окно не выпали?

Действительно, зал был настоль- ко полон, что многие стояли в про- ходах и даже на подоконниках.

Диспут был сорван. Потом у авто- ров доклада были большие неприят- ности. От исключения из института их спасло только то, что все они хо- рошо учились (отчислили только И. Юзефпольского, у которого не- кстати был обнаружен один "хвост"). Интересно, что помог выйти из этой непростой ситуации Илья Эренбург, к которому ребятам удалось попасть на короткую аудиенцию в Москве, но это уже совсем другая история.

А Лёку все больше привлекала сцена, и выступления только в качест- ве конференсье его уже не удовле-

творяли. В институте было два сце- нических коллектива достаточно высокого уровня. Один из них — драматический, которым руково- дил Иосиф Львович Беркович.

Бывший актер Украинского теа- ра, а потом — режиссер и зав. труп- кой Театра Советской Армии, в ко- тором он до переезда этого театра во Львов поставил несколько спек- таклей, Иосиф Львович всегда параллельно работал с самостоятель- ными коллективами. Поставленные им во Дворце им. Леся Украинки, Доме офицеров, Доме медработни- ков, холодильном институте спек- такли "Машенька" по пьесе Афино-

с этим блестяще, хотя вживался в роль тяжело и болезненно. Лёкина мама Зинаида Михайловна, извест- ный адвокат и умная женщина, не могла понять, что произошло с ее воспитанным и любящим сыноч- ком. Он начал грубить ей ("ты свои фокусы брось", "ладно, не пугай", "еще чего", "есть что-нибудь вкус- ное? — давай тащи побыстрее"). Обеспокоенная мама не знала, что это — слова Андрея, обращенные в пьесе к его матери, и Лёка "входит в образ", проверяя себя на самом близком человеке. Только на пре- мьере спектакля Зинаида Михай- ловна, услышав знакомые выраже- ния, все поняла и растрогалась.

Спектакль был принят замечатель- но, о нем много говорили не только в нашем институте, но и в городе. Лё- ка сразу стал популярен в студенче- ской среде, и прежняя симпатия к нему увеличилась многократно.

Продолжая выступать, Лёка мно- го времени уделял культуре. В институте существовали разные коллективы художественной само- деятельности, которые готовили свои программы. Конечно, эти кол- лективы и их традиции формирова- лись в течение многих лет, но в ор- ганизации этой очень интересной стороны нашей студенческой жизни в 1956-1957 учебном году большую роль сыграл Лёка.

Хор, как и драматический коллек- тив, имел звание народного. Руко- водила им замечательный хормейстер и очаровательная женщина Татьяна Азарьевна Кагель. В четырехглас- ном хоре пели 50-60 человек. Как и полагается при многоголосии, каждая из четырех групп голосов вела свою партию. Такая полифон- ная создавала прекрасное и мощ- ное впечатление.

Читатель, вероятно, уже понял, что автор неравнодушен к этому коллективу. Действительно, я три го- да был его участником и до сих пор не забыл ощущение восторга от мощного, чистого и прекрасного звучания. Хор исполнял разнообраз- ные произведения — от оригиналь- ных хоровах до специально аранжи- рованных для многоголосия. До сих пор звучит в памяти исполнявшаяся акапелло (т. е. без инструментально- го сопровождения) "Кольбельная" Моцарта. В ней великолепным со- прано солировала Тая Мороз, впоследствии солистка Одесской оперы, заслуженная артистка Укра- ины. Ее, увы, уже нет с нами.

Ведущим в группе басов был Гена Исаханов, обладатель прекрасного "бархатного" баритонального баса и отличного музыкального слуха, выручавшего нас неоднократно, когда мы не совсем точно попадали в тональность. Смуглый крепшис с крупными мужественными черта- ми лица, он олицетворял уверен- ность и силу. Говорили, что через несколько лет после окончания ин- ститута он оставил инженерную деятельность и стал солистом Ле- нинградской филармонии.

Прекрасный лирический тенор был у Толи Вулихмана. Высокий кра- савец с вьющимися волосами, он

всем, особенно плохо было с едой и одеждой. Родные отказывали се- бе во всем, сейчас это острее пони- маешь, и лучший кусок всегда оставляли ребенку.

Весна быстро миновала, наступи- ло жаркое лето, до занятий в школе оставалась целая вечность — ка- кая благодать! В развалке мин точно не было, но зато она была буквально напихована патронами разных ка- либров: к карабинам и винтовкам, автоматам и пулеметам, попада- лись даже небольшие противотан- ковые снаряды. Об их различии бо- лее старшие ребята знали не пона- слышке, особенно те, кто оставался в оккупации. Некоторые мальчишки имели возможность не только по- держать их в руках, но и разобрать. Так что определенный опыт в этом опасном деле у кое-кого имелся. Мы же, младшие, проявляли к по- добным "игрушкам" особое любо- пыство. Многие из нас видели патро- ны впервые в жизни, а их изобилие вызывало внутренний трепет.

Взрослые ребята разбирали патро- ны или небольшие снаряды, выни- мали порох, поджигали его, устраи- вая фейерверки. Нередко звучали

ПОСЛЕВОЕННАЯ РАЗВАЛКА

Наша семья вернулась из эвакуа- ции в освобожденную Одессу 17 ап- реля 1944 года. То есть всего неде- ля нам потребовалась, чтобы до- браться из узбекского Намангана в наш родной город. Подробностей я не знаю, но мне было известно, что отец, у которого была бронь от участия в военных действиях, дол- жен был срочно доставить какой-то архив или весьма важные докумен- ты. Помню тяжелейший путь от Ни- колаева до Одессы. Ехали два аме- риканских "студебеккера": один с архивом (или документами) под охраной двух солдат-автоматчиков, другой — с вещами нашей семьи. Дороги, как мы ее представляем себе сейчас, не было никакой, и на преодоление 130 километров ушло более десяти часов. Итак, две боль- шегрузные машины каким-то обра- зом въехали на Дерибасовскую со стороны улицы Пушкинской.

Почему со стороны Пушкинской? Не знаю, думаю, на это были свои причины. В памяти девятилетнего

ребенка наша главная улица запе- чатлелась совсем безлюдной и пу- стынной, прохожих не было, хотя вре- мя было послеобеденное. И что еще запомнилось — заколоченные вит- рины и двери магазинов. Нам пред- доставили временное жилье снача- ла на Ришельевской напротив быв- шего кинотеатра 20-летия РККА (позд- нее кинотеатр стал называться "Ук- раина"), затем — на Пушкинской, рядом с Музеем западного и вос- точного искусства. Довоенная наша квартира в Базарном переулке была занята семьей инвалидов. Отец не хотел судиться с ними, очевидно, надеясь получить от властей что-то лучшее. Действительно, вскоре нам предоставили отдельную квартиру с частичными удобствами на улице Кузнечной. (Проживавшая там во время оккупации семья будто бы бе- жала в Румынию.) Дом наш находил- ся как раз напротив развалки, так называла это место вся округа. По- том здесь построят здание институ- та связи. Ну, а пока...

Чем же была знаменита эта раз- валка? В общем, развалок в осво- божденной Одессе хватало, но у этой была своя колоритная исто- рия. Во-первых, она выделялась размерами: представьте себе ог- ромный прямоугольник, ограничен- ный улицей Кузнечной, Лютеран- ским переулком, улицей Новосель- ского и Пионерским переулком. Во- вторых, этот разрушенный ан- самбль венчала знаменитая люте- ранская церковь — Кирха.

Во время оккупации на месте те- перешней развалки находился то ли штаб немецкого гарнизона, то ли какое-то крупное формирование военного назначения, возможно, снабженческое.

Увидев первый раз развалку сна- ружки, я испытал страх перед зияю- щими оконными проемами по все- му периметру разрушенного зда- ния. Успокаивали лишь надписи, сделанные на стене с помощью тра- фаретки через определенные про- межутки: "Проверено — мин нет!".

Причем эта трафаретная надпись была набита черной краской внутри четырехугольника на фоне серого цвета, в который был выкрашен фа- сад здания, взорванного и сожжен- ного фашистами при отступлении. Эти четырехугольники вселяли в детскую душу уверенность: не на- до волноваться, безопасность обеспечена.

Но, как оказалось впоследствии, на развалке опасность подстерега- ла таких, как я, на каждом шагу. Сю- да мы рвались всем сердцем, не прислушиваясь к предостереже- ниям и увещаниям родителей. Посещение развалки было регуляр- ным, многочисловым, почти ритуаль- ным. Меня, моих сверстников и бо- лее старших друзей интересовало буквально все. Взрослым практиче- ски было не до нас, поэтому в те- чение дня мы были предоставлены са- мим себе до того момента, пока не начинали чувствовать, что проголо- дались. Еще шла война, еще бомби- ли город, нехватка ощущалась во

был кумиром девушек всех факультетов. Вспоминая перформансы вечеров, на котором Толло не отпустили со сцены до тех пор, пока он не показал рукой на горло, — мол, больше не могу. Это был его последний концерт, так как в июне он оканчивал институт. Как дальше сложилась его судьба вокалиста, не знаю.

В хоре пели не только обладатели очень хороших голосов и слуха. Десетки людей с обычными музыкальными способностями, прошедшие школу нашего хора, не только заметно развили их, но и получили эстетический заряд на всю жизнь. Недавно участница хора Лариса Богдан, вспоминая в беседе со мной эти годы, сказала: "Когда мне не совсем удавалось петь голосом, я пела душой, и это было прекрасно".

Хор выступал не только в институте. Помню участие в проходившем в оперном театре общегородском концерте в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией. Тогда нам пришлось вместо двух запланированных песен исполнить еще одну или две — такой мы имели успех.

Два раза в год — к 7 Ноября и к 1 Мая — в помещении Украинского театра устраивались общинститутские вечера, большие и интересные концерты художественной самодеятельности. На них выступали и коллективы, и отдельные участники: неплохой эстрадный оркестр (помню трубача Нику Зубатова и ударника Марика Нисера), трио виолончелисток — сестер Емчиновых, уже упоминавшиеся Гена Исаханов и Толя Вулихман и многие другие.

Иногда на концертах исполнялись произведения наших самодеятельных авторов, которые тепло принимались зрителями. Помню, как на первом майском вечере прозвучал "Торжественный вальс", посвященный фестивалю молодежи и студентов. Музыку написала Валя Цуркан, слова — Оля Горбатова. Исполнила вальс, если не ошибаюсь, Оля Островская (все три — студентки нашего механического факультета). Концерты вели, как правило, Лёка и Давид Макаревский.

После первого майского вечера 1957 года наша с Лёкой общественная деятельность, как обычно в конце учебного года, сбавила обороты. Мы, как и в предыдущих семестрах, были отличниками — общественная работа этому не мешала. Впереди экзаменационная сессия, последние каникулы, военные учебные сборы, потом последний семестр, дипломный проект и — прощай, институт. Настроение было прекрасным.

Лёка единственный из моих знакомых побывал летом в Москве, где проходил I Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Вернувшись, он много рассказывал о небывалых впечатлениях — ведь это было самое крупное для молодежи событие после открытия "железного занавеса". Во многое из рассказанного Лёкой нам тогда трудно было поверить, настолько это было необычным и интересным. Мы были полны оптимизма. Ничто не предвещало несчастья, которое вскоре произошло.

взрывы. Удивительно, что я каким-то чудом остался невредимым, а ведь некоторые мальчишки стали калекми на всю жизнь: кто без глаза, кто без пальцев, кто получил осколочное ранение. "Стреляли" обычно в стену, в перегородку. Были случаи, когда подобные детские шалости приводили даже к смертельному исходу. От посещения развалки не удерживали ни подзатыльники родителей, ни более серьезные наказания, когда тебя закрывали в квартире и не выпускали на улицу в течение целого дня. В этом случае меня всегда выручала бабушка, которая любила единственного внука и в меру своих сил всегда шла мне навстречу.

Думаю, не только я, но и все мои друзья просто бредили развалкой, она часто снилась нам, это был своеобразный наркотик. Даже сейчас, на склоне лет, в памяти всплывают воспоминания, связанные с местом детских романтических встреч. Особенно часто возвращаешься в то время, когда наступают апрельские и майские дни, остро напоминающие об Освобождении и Победе.

Было одно незабываемое при-

22 сентября Лёка и Давид вели во Дворце моряков какое-то городское мероприятие, после которого Лёка с отцом пошли на стадион "Черноморец". Там был интересный матч, а на футбол они всегда ходили вместе, с большим удовольствием. На стадионе Лёка сказал, что у него побаливает живот и он пойдет домой, а отец пусть спокойно смотрит игру. После матча Яков Моисеевич позвонил Лёке и узнал, что боль стала очень сильной. Лёку срочно доставили в больницу, где немедленно отвели в операционную. Вскоре приехала Зинаида Михайловна, которой сообщили о происшедшем. Свет

Похоже на голос Якова Моисеевича, но не совсем. Что делать?" Отец посоветовал набрать номер Лёки и, если сразу же не ответят, положить трубку — значит, в такую рань звонили не оттуда. Мама поколебалась, но решилась и позвонила. После первого сигнала она услышала тот же заторможенный голос: "Рива Моисеевна, Вы не поверили? Я тоже не верю до сих пор, но Лёка умер".

И вот наступил страшный день похорон. До этого мне не приходилось присутствовать на похоронах близкого человека, а в этом случае нужно было и организовать их часть, связанную с институтом.

над дверью операционной горел очень долго. Поздно вечером он погас, к родителям вышла сестра и сказала, что их сын умер. Хирурги не решились сделать это сами.

Оказалось, что у Лёки произошел заворот желудка. Как сказали мне знакомые медики после вскрытия, Лёка умер, захлебнувшись желудочным содержимым, устремившимся вверх после распрямления желудка. По их словам, этого не произошло бы, если бы были приняты необходимые при этой операции и хорошо известные меры предосторожности. Возможно, хирурги не вышли к родителям Лёки именно поэтому...

23 сентября рано утром, в начале шестого, у нас дома зазвонил телефон. Подошла моя мама и услышала лишенный интонаций, неестественно спокойный голос: "Рива Моисеевна? Это Розенталь. У меня больше нет сына", — и сигналы отбоя. Она растерянно посмотрела на меня и отца. "Какой-то странный звонок.

ключение на развалке. Наша братва пошла дальше саперов, работа которых, очевидно, сводилась к проверке местности на наличие или отсутствие мин внутри или вокруг здания. За какой-то месяц мы сделали полную "ревизию" развалки. Однажды забрались по крутой лестнице на самый верх кирхи и обнаружили там действующий пулемет, дуло которого смотрело на Дворянскую (Петра Великого). Затем осмотрели все ее пристройки, по дороге выявляя очередную порцию разнокалиберных патронов. Периодически пускали их в "дело". Но супероткрытием стало обнаружение в центре развалки некоего подземелья, вход в которое представлял собой цилиндрическое кольцо диаметром метров шесть-семь. Отсюда до дна колодца было метра три.

Не помню уж, как мы изловчились, но в результате все-таки сумели оказаться внизу. Дно было усыпано ракушечником, битым кирпичом, строительным мусором, а над головой сияло ласковое солнце. Нас распыляло любопытство, что же там внутри? С опаской

В вестибюле главного корпуса прошла гражданская панихида, но я ее практически не помню — все было, как в тумане. Потом гроб несли на плечах, сменяясь каждые несколько минут, от Преображенской через Сабанев мост по Екатерининской, и только через много кварталов поставили на катафалк. Другой такой траурной процессии я не помню. Время от времени с тротуаров раздавались сдавленные крики — это была реакция прохожих, в основном, девушек, которые не знали о смерти Лёки и вдруг увидели надписи на венках.

За несколько месяцев до смерти Лёка начал встречаться с симпатичной девушкой Олей. Мне казалось, что Зинаида Михайловна относилась к этому не очень одобрительно. Но когда Оля с белым смертельным лицом подошла к гробу и долго стояла рядом, Зинаида Михайловна молча обняла ее и уже больше от себя не отпускала.

Похоронили Лёку на 2-м кладби-

и фантастическим предчувствием осторожно двинулись вглубь прохода, который открылся нашим глазам. Углубившись на несколько десятков метров, оглянулись назад и увидели лишь узкую полоску падающего сверху света. Ноги продолжали тянуть вперед. Вдруг мы увидели небольшое отверстие, и шедшие впереди нырнули туда. В этом "авангарде" был и я, младший во всей компании. Очутившись в почти полной темноте, инстинктивно выткнул руки перед собой. Навдвигавшаяся тень ощущалась еще сильнее, подожли трясилась.

За мной, что-то нашептывая, двинулись остальные ребята, постарше меня. В какой-то момент мои руки наткнулись на препятствие, и, испугавшись, я остановился. Как жаль, что ни у кого не было спичек, заранее ведь никто не ожидал, что мы попадем в подземелье и будем брести в потемках. Волнение понемногу улеглось, поскольку дальше идти было некуда. Мы как бы пришли в тупик и решили обследовать возникшее препятствие. Как потом выяснилось, преградой был 300-литровый бутыль в оплетке из лозы с чис-

ще на Люстдорфской дороге. В первые дни после похорон я не мог заставить себя пойти к Зинаиде Михайловне — мне казалось, что ей будет тяжело видеть меня, живого и здорового. Я понял, что был неправ, когда в институте ко мне подошел Беркович и сказал: "Миша, почему ты не был у Зинаиды Михайловны? Она просила передать, что хочет тебя видеть".

Конечно, я пошел сразу же. Долго стоял перед знакомой дверью, не решаясь нажать на кнопку звонка. Зинаида Михайловна по-доброму встретила меня и спросила: "Почему ты не приходил? Боялся, что мне

Прошло довольно много времени, Оля уже занималась в юридическом институте. Однажды мы сидели на камне, стоящем в воде на пляже 16-й станции, и Оля вдруг сказала: "А меня выдают замуж. За сводного брата Зинаиды Михайловны. Он инженер-электрик, уже несколько лет работает в Новосибирске. Я согласилась".

Так и произошло. Оля уехала. Во время одной из первых своих командировок я побывал у нее в гостях в Новосибирске. Муж Оли Шура Тув оказался симпатичным контактным человеком с живыми умными глазами. Он работал заместителем главного конструктора по электроприводу на большом станкостроительном заводе. Общение с ним было приятным и интересным. Видно было, что Шура очень хорошо относится к Оле. Через несколько лет я еще раз был у них в Новосибирске, они во время приезда в Одессу — у нас. К сожалению, потом из-за дальности расстояний встреч не было.

После первой поездки в Новосибирск я зашел к Зинаиде Михайловне, рассказал о встрече с этими двумя, возможно, самыми близкими ей людьми. Заходил и потом. Но, к сожалению, я общался с ней все реже — работа, семья, болезни близких отнимали много сил и времени, хотя это не оправдание.

Оля и сейчас руководит юридической службой завода "Сиблитмаш". По рассказам общих знакомых, она хороший профессионал с твердым характером, волевая и организованная. Я много лет ее не видел и потому с трудом представляю себе в этой роли ту миниатюрную смешливую девочку на высоченных каблуках, с которой Лёка познакомил меня пятьдесят лет назад.

На могиле Лёки была установлена стела из черного гранита с белым мраморным портретом-барельефом. Зинаида Михайловна долго помогала скульптору выбрать тот ракурс, который обеспечивал наибольшее сходство.

А с Яковом Моисеевичем контактов не было совсем. Видимо, ему, в отличие от Зинаиды Михайловны, было очень тяжело видеться с друзьями погибшего сына. Когда он случайно встречал меня на улице, проходил мимо, делая вид, что не заметил. Пару раз мне даже показалось, что он перешел на другую сторону, чтобы избежать встречи.

Яков Моисеевич умер в 1984 году и похоронен рядом с сыном. Зинаида Михайловна умерла в Израиле несколько лет назад, пережив сына почти на 45 лет.

В этом году Лёке исполнилось бы семьдесят. Очень жаль, что он прожил так мало — всего 21 год. Трудно сказать, стал бы он способным инженером или успешно реализовал бы свою тягу к сцене. Уверен, что в любом случае Лёка сказал бы свое слово в выбранной специальности. Пусть этот очерк будет данью памяти и добрым словом об этом неординарном человеке.

Михаил ГАУЗНЕР.

тейшим медицинским спиртом. Причем таких бутылей было аж три.

В первый момент мы, конечно, не знали, что находится внутри огромных емкостей: стеклянные пробки были очень плотно притерты, и выкрутить их у нас не было сил. Решили возвращаться к колодцу и довольно быстро были уже на поверхности. Между собой договорились, что о находке пока никому сообщать не станем. Но, как всегда бывает в таких случаях, тайна кого-то так придавила, что к вечеру все тайное стало явным. Рассекречивание происходило с космической скоростью. И вот от улицы Льва Толстого по Кузнечной и параллельным ей улицам и переулкам в сторону развалки потянулись люди с ведрами и бутылками. Сначала они шли не спеша, а через некоторое время уже бежали. Нырнув через оконные проемы внутрь развалки, народ прямоком направился к колодцу. Откуда-то сразу появилась лестница, по которой жильцы близлежащих домов устремились вниз.

Окружив колодец, мы стояли и поспеивались, с любопытством наблюдая за необычной картиной.

Мужчины и женщины образовали живой конвейер, подавали друг другу сначала пустые, а потом и полные емкости с жидкостью, у которой был специфический, мне тогда явно незнакомый запах. Отослodu только доносились голоса: "Осторожно, ради Бога, только осторожно!". Взрослые от охватившего их волнения и счастья веселились, как дети, унося бесценную жидкость, охотно подбадривали друг друга. Вся эта процедура, как нам казалось, длилась бесконечно. Но все когда-то кончается... После этого, помню, было много разговоров, кривотолков, но до вмешательства правоохранительных органов дело, кажется, не дошло. Страсти улеглись сами собой...

Недалеко от нашего дома, на углу Кузнечной и Спиридоновской, была еще одна развалка. Здесь проходили футбольные баталии мальчишек со всей округи. Но это уже другая, не менее интересная история. Думаю, что у каждого мальчишки в послевоенной Одессе была своя развалка. Моя, кажется, была самой большой в городе.

Владимир ШТЕЙНБЕРГ.

«Пора нам в оперу скорей...»

Вслед за А.С. Пушкиным эти слова, уже с горечью, одесситы произносили с 1873 года по 1 октября 1887-го, то есть все годы, пока шло строительство нового театра на месте сгоревшего, того, который воспел Пушкин в "Одесской главе" "Евгения Онегина".

Но и в наше время, наверное, многие одесситы опять же с тоской повторяли пушкинские слова в течение тех одиннадцати лет, пока шли реставрационные работы в разрушающемся здании театра.

Но вот наконец-то наступил долгожданный финал "спасательных" работ — в сентябре 2007 года театр был торжественно открыт.

Вновь вспоминаются пушкинские строки про "закулисные свиданья", про "разыскательный лорнет..."

"Зрительный зал поражает небывалой в Одессе роскошью и красотой отделки лож. Во всем зале снизу до потолка включительно преобладают бархат, сатин, позолота. При великолепном освещении все это блещет, горит, сияет..." — писала газета "Новороссийский телеграф" в 1887 году.

И вот спустя 120 лет мы можем повторить эти слова. Реставраторы сотворили чудо. Они вернули театру блеск и изящество.

Е. Г.

Фото Олега Владимировского

УЛЫБКА СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

Кинематографисты в последнее время обнаруживают явный интерес к одесской тематике — взять хотя бы новые ленты "Ликвидация", "Три дня в Одессе", "Саперы"... Вот и сейчас в одном из живописных дворов старой Пересыпи, где испокон веку селились рабочие, интернациональная съемочная группа при участии Одесской киностудии завершает работу над новым фильмом. Полнометражная лирическая комедия "Улыбка Бога" по фабуле напоминает классический одесский анекдот, начинающийся фразой: "Умирает старый еврей...". Точнее, в далеком Чикаго умирает старый одесит Филипп Ольшанский, роль которого исполняет Армен Джигарханян (в 1989 году он великолепно сыграл биндюжника Менделя Крика в киномюзикле Владимира Аленикова "Биндюжник и Король"). Перед смертью он созывает всю семью и объявляет о некоторых изменениях в завещании. Так вот, внук богатого дедушки, юный Алэн (восходящая звезда Иван Житков), вылетает в Одессу, где должен во дворе одного старого дома разыскать, привезти в Америку и всечески обласкать рыжего кота, оставленного Ольшанским перед эмиграцией. И фотография животного имеется... Поиски кота-долгожителя не так странны, как фигура "вечного" портного Перельмута (его роль исполняет Роман Карцев).

Во время экскурсии по катакомбам Алэн попадает в череду приключений, выходя из подземных лабиринтов не только в разные районы, но и в различные исторические периоды жизни Южной Пальмиры. Так, он оказывается то в сегодняшней Одессе, то в Одессе пятидесятих, семидесятых и так далее. И всегда неизменно одно: Перельмутер. Он не меняется!

Сегодня у нас на дворе 1983-й. Массовка наряжается в "длинное и широкое", несут портрет Андропова, который должен промелькнуть в кадре. Пока подбираются коты для создания яркого эпизода, о своей новой работе рассказывает режиссер Владимир Алеников, которого когда-то полюблила вся огромная страна за прелестную детскую кинодиалогию о приключениях пионеров Петрова и Васечкина, а одеситы — еще и за "Биндюжника и Короля".

— Все это снимает украинская компания под названием Pictures For Ever And Ever при участии американской компании Dream Factory Entertainment. Можно считать, что это украинско-американское производство. У нас есть замечательный генеральный продюсер, бизнесмен Валерий Горелов, который и является главным инициатором всей этой затеи. Он предложил экранизировать книгу Георгия Голубенко "Рыжий город", написанную в жанре "новые одесские рассказы". В сборнике — два десятка замечательных одесских рассказов, действие которых происходит в разное время. Голубенко и Горелов вместе обратились ко мне с предложением подумать о таком проекте. И поначалу я был весьма растерян, потому что не понимал, как можно совместить разные истории в одном времени. Но потом в голову пришла правильная мысль, и мы с Георгием написали оригинальный сценарий, в основе которого четыре рассказа.

Чувства, которые я испытываю в процессе работы над этим фильмом, сложно описать. Одесса для меня далеко не пустой звук, это моя шестая картина в Одессе, и однажды я уже снял ленту, ставшую визитной карточкой города, — мюзикл "Биндюжник и Король"... Повторяю, поначалу я отнесся к идее с опаской, тем более что у меня были совершенно другие планы. Мне позволили из Лос-Анджелеса и предложили снимать очередную американскую картину, триллер. И я, в конце концов, отложил работу над тем фильмом и прилетел в Одессу, потому что мне замысел показался безумно интересным. Надеюсь, получится очень неожиданное, ни на что не похожее кино, поэтому я с удовольствием окунаюсь в него прямо

с головой. После съемок в Одессе у нас сцена в Киеве и пара сцен в Чикаго. А мировая премьера предполагается 1 июня 2008 года. Что касается актеров, то у нас замечательный состав, который включает в себя как моих любимых артистов, с которыми я уже много лет работаю (Армен Джигарханян, Роман Карцев, Тамара Тана, Александр Панкратов-Черный, Татьяна Новик, Станислав Садацкий, Сергей Мигицко, Вячеслав Гришечкин), так и тех, с которыми пришлось работать впервые. С Ниной Усатовой, кстати, мы работаем в первый раз. А наряду с названными и многими другими опытными актерами у нас снимаются молодые и, по-моему, очень талантливые артисты, восходящие звезды, например, Ваня Житков, Маша Горбань и Катя Маликова.

БЕРЕГИТЕ КОТОВ, БЕРЕГИТЕ КОТОВ...

Как удалось узнать на площадке, Екатерина Маликова исполняет роль Джессики, американской невесты главного героя, а Мария Горбань — его одесской любви, причем Маша играет две роли: бойкую яркую современную девушку Алену и ее бабушку Аню, какой она была в 1954-м году, существо робкое и скромное. К сожалению, сегодня ни одна из девушек не занята и даже не находится в Одессе.

Но вот съемки продолжают. Ваня ищет нужное животное среди дворовой кошачьей братии (дрессированные коты под руководством москвича Евгения Стура и наиболее талантливые аборигены). По признанию Ивана Житкова, нарочито подчеркивать американский акцент персонажа не хотелось, да и сложно парнишке с Урала сделать это естественно. Сейчас Алэн подзывает котов так: "Кири-кири-кири... Экскюз ми, кис-кис-кис...". У актера получается забавно. Однако заставить всех котов посмотреть в одну точку одновременно, как о том мечталось, не удастся...

А вот и новая сцена: приезд "скорой помощи" за уважаемой жительницей двора мадам Парнокопытенко. Нина Усатова ради работы над этой ролью отказалась от нескольких проектов, в том числе от продолжения сериала "Бедная Настя". На фоне пристроек с верандами и ведущими на них "воздушными" лестницами пролетают разворачиваются драматические события. Врач (в этой роли удается опознать бывшего одессита, ныне живущего в Москве ветерана комик-труппы "Маски" Альберта Гаспаряна) громогласно объявляет последнюю волю вдовы:

— Люди! Берегите котов! Она завещает вам всех своих кошек!

— Не думайте о плохом, мадам Парнокопытенко, помирайте спокойно! — отвечает кто-то из соседей.

Вообще-то, в рассказе Георгия Голубенко "Сердце маклера" данный персонаж носит гордое имя "вдова Грудинкер", но яркая сла-

вянская внешность Нины Николаевны побудила сценаристов внести некоторые коррективы... Прибывший на площадку с легкими признаками простуды (кинофестиваль "Амурская осень", на который ему удалось выбраться во время съемок, проходил при сырой погоде) Александр Панкратов-Черный никак не может запомнить забавную фамилию, звучащую у него в устах в варианте "Парокотытенко".

— Был еще вариант сценария, где эту вдову звали "мадам Переленко", — вспоминает Александр Васильевич. — Но "Грудинкер" тоже симпатично.

В группе шутят, что из Черного Панкратов теперь стал Рыжим — пришлось перекарситься ради роли маклера Сени Рыжака (пардон, Сеня он по первоисточнику, а в сценарии маклера решили "перекрестить" в Леву), тоже обитателя живописного пересыпского двора. Наблюдая за тем, как санитары выносят мадам Парнокопытенко под причитания соседей, он обдумывает гениальный (но только на первый взгляд) план. Пока умирающая будет томиться в реанимационном отделении районной больницы, откуда еще никто не возвращался (хотя исключения, говорят, бывали), он спешно разведется с женой Ритой, распишется с мадам Парнокопытенко, овдовеет и станет обладателем большой светлой квартиры...

Забегая вперед, замечу, что вдова так и останется в живых, а ее кварти-

ра уйдет на погашение мужниных долгов, ведь покойный был картежником! Александр Васильевич часто исполнял в кино роли таких кипуче-деятельных неудачников, а в жизни он считает себя счастливым человеком:

— Ну конечно, я счастливый человек — из далекой алтайской деревни попасть с первой попытки в театральное училище, окончить ВГИК, стать известным... Это ли не удача?

Артиста зовут в кадр. Панкратову-Черному (впрочем, рыжему) дают бумажный кулек с креветками (по-одесски — "рачками"), которых тот должен нервно поедать в ожидании нехоти "делающей базар" женошки. Вариант с семечками не годится, из актерского суеверия Александр Васильевич никогда на площадке семечки не лузгает и не выносит, когда это делает кто-то другой... За творческими сомнениями маклера следит писатель Георгий Голубенко, по общему утверждению, выражающий недовольство, когда актеры вместо его текста несут какую-то отсебятину. Но случай явно не тот, к знаменитому артисту со стороны автора претензий не возникает...

Наконец сцена снята, Александр Васильевич прощается с группой на три дня. За это время он съездит в город Болград Одесской области, чтобы познакомиться с родителями невесты своего сына Владимира. Вот как тесен мир! А дальше во дворе разворачиваются съемки колоритнейшей сцены преждевременных по-

минок мадам Парнокопытенко в лучших одесских традициях — со столбами во дворе, поминальными пирогами с капустой и скорбью, переходящей в неприличное оживление...

"СОНЯ! МУСЯ! НА ПОМИНКИ!"

Подобная фраза может прозвучать жизнерадостно только в Одессе. Данную реплику репетирует хорошо поставленным голосом известная актриса-пародистка Светлана Солянкина (надо видеть, как эта изящная дама изображает всех, всех, всех, от Жанны Агузаровой до Леонида Брежнева). Парнишка в тельняшке наяривает на аккордеоне "Яблочко" что вызывает скепсис у коренных жителей двора — поминки же! Но это же не совсем все-ррез, вот и героиня Солянкиной призывает не впадать в пессимизм: "Ну подумаешь, наша больница! Бываю же исключения!...". Актерам массовки велят имитировать обычные поминальные разговоры за столом. Импровизированные диалоги доказывают: Одесса жива! "Не знаю, что делать с котами мадам Парнокопытенко..." — "Возьмите их себе! Никто не обидится, если вы возьмете их себе..." — "Но мне же не прокормить их на одну пенсию!" — "Тогда я предлагаю сдать котов в зоопарк!" — "Зачем?" — "Там крокодилы голодные..." И вообще, никто не говорил, что мы должны беречь этих котов живыми!..."

Сидящие за столом дети не издают звуков, потихоньку уплетая соленые огурцы, жареных бычков, пироги и колбасу — благо в наши дни принято экономить пленку, и на два-три дубля провизии должно хватить. Жители двора одолжили для сцены поминок реликтовые вилки и тарелки, а также стулья.

Многие и наблюдающих и снимающихся помнят подобные дворовые посиделки по разным поводам. В моем дворе такие поминки устраивались в последний раз в начале девяностых, и весело никому не было, ведь тогда погиб в результате нелепого случая человек в полном расцвете сил, осиротив двоих детей... Сейчас всем двором уже не собираются. Старые одеситы в значительном количестве разъехались по Америке да Израилем (в крайнем случае — по Москвам да Киевам), а те, кто занял их место, не отличаются ни дружелюбием, ни бережным отношением к домам и дворам, полагая, что своя территория начинается тогда, когда ты переступаешь порог квартиры. Это очень грустно, и правы те, кто утверждает, будто "той Одессы" уже нет. Однако многие ее помнят и могут воспроизвести — в живописи, в литературе, на экране...

Хочется надеяться, что новый фильм Владимира Аленикова станет знаковым для Одессы. Во всяком случае, во время съемок группа ревностно следит за тем, чтобы в кадре не было никаких ляпов, чтобы все предметы соответствовали изображаемому времени. Серьезной подготовки потребовали сцены в филармонии (Алэн попадает на концерт, состоявшийся в 1954 году), у знаменитого "дома с атлантами" по улице Гоголя, первоапрельское гуляние в Горсаду. А маклер Лева Рыжак пройдет свой путь вплоть до 2008 года не без потерь, но зато без уныния, как и подобает истинному одесситу.

Будут ли исполнены требования завещания Филиппа Ольшанского? Узнаем на премьере! Она обещает быть по-настоящему веселой. Оптимизм и жизнерадостность всегда будут превалировать в одесском характере образца любого календарного периода, и с этим ничего не поделаешь! Сам Бог улыбнулся, когда Одесса появилась на карте мира. И не его вина, что одесситам сегодня зачастую приходится улыбаться сквозь слезы. Потому как за родной город душа болит...

Мария ГУДЫМА.
Фото Олега Владимирского.

Высокий гость был очарован

Одесса встретила его осенним теплом. Желтые кленовые листья падали на кусты цветущих роз. Синева моря сливалась с небом. Возле бронзового Дюка гость и его спутники стояли долго. "Исполнилось мое давнее желание — побывать здесь", — сказал он.

Его высочество герцог Ольденбургский с супругой провели в нашем городе два дня. Это был частный визит, но значимый. Контакты по линии государственной и общественной (а они у Одессы — со всем миром), безусловно, важны. Однако теплотой их насыщают дружеские отношения, которые возникают только во время личных встреч. Поэтому визит представителя древнейшей и влиятельнейшей европейской династии даже для Одессы, где бывает много именитых гостей, — событие.

Великое герцогство Ольденбургское расположено на северо-западе Германии. Первым исторически достоверным его владельцем был могущественный Эгильмар, граф Леригау, в XI веке. А непосредственно Ольденбургский дом ведет начало с XV века. С течением времени он разделился на несколько ветвей. Представители их стали основателями правящих династий в Норвегии, Дании, Греции.

Одна из линий Ольденбургского дома тесно связана с Россией. В 1761 году герцог из этого рода Карл Петер Ульрих по повелению

Его высочество герцог Ольденбургский с супругой

своей тетки императрицы Елизаветы Петровны стал наследником русского престола, а затем императором Петром III. Он основатель линии Голштейн-Готторнов, принявших имя национальной династии Романовых, которая правила до 1917 года. В 1745 году с великим князем Петром Федоровичем, будущим императором Петром III, была обвенчана будущая императрица Екатерина II, мать которой происходила из младшей ветви Голштейн-Готторнского дома. Его высочество герцог Ольденбургский является ее непрямым потомком в пятом поколении. Прин-

цы Ольденбургские занимали в России важные посты на государственной и военной службе. Особенно известен своей благородной деятельностью Петр Фридрих Георг, или, как его называли, принц Георгий. В 1809 году он вступил в брак с великой княжной Екатериной Павловной, дочерью императора Павла I, и был назначен тверским, новгородским и ярославским генерал-губернатором и вместе с тем — главным директором путей сообщения. В 1812 году принцу было поручено организовать народное ополчение во введенных ему губерниях. Посещая

один из лазаретов, он заразился лихорадкой, и его постигла смерть.

В настоящее время главой великогерцогского дома Ольденбурггов является старший брат нашего высокого гостя. Многочисленные представители дома входят в правящие династии и влиятельные круги европейских стран.

Его высочество герцог Ольденбургский работал в области атомной энергетики. Он является председателем Ольденбургско-Российского общества. Высокообразованный, прекрасно знающий историю, он живо интересовался прошлым и настоящим Одессы. Он ознакомился с деятельностью Дворянского собрания Юга Украины, общественной гуманитарной организации "Фонд возрождения Одессы им. Дерибаса".

Тепло принимали гостей в Мариинской гимназии. Беседа проходила у портрета императрицы Марии Александровны, супруги императора Александра II. Высочайшая особа проявила себя на ниве благотворительности и заботы о женском образовании. Она положила начало учреждению открытых всеобщих женских гимназий. Одесской гимназией она даровала свое имя. Гостям рассказали, что гимназия одной из первых в Украине получила статус ассоциированной школы ЮНЕСКО, что здесь введено преподавание четырех европейских языков. Основные направления, по которым работает гимназия, — "Другие страны и культуры", "Человек

и окружающая среда", "Права человека". На эти темы учащиеся говорили с гостями по-немецки. В музее гимназии состоялась знакомство с историей одного из старейших учебных заведений города.

Его высочество рассказал, что в их семье соблюдают традиции православия, знают русскую культуру. Особенно любимы произведения Пушкина, Достоевского, Набокова. Сам герцог посвящает свое время деятельности Ольденбургско-Российского общества, ведет обширную переписку. Он надеется, что после нынешней встречи общество наладит тесные контакты с Дворянским собранием Юга Украины.

Экскурсия по городу позволила визитерам увидеть его неповторимую архитектуру, достопримечательности. С особым чувством посетили они возрожденный кафедральный Спасо-Преображенский собор, где почтили память генерал-губернатора Новороссийского края светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова и его супруги Елизаветы Ксавьеровны на месте перезахоронения их останков. Их привел в восхищение отреставрированный оперный театр. Вечером гости любовались подсвеченным музыкальным фонтаном Городского сада, гуляли по Дерибасовской.

— Прекрасный европейский город, — сказал его высочество. — У меня такое чувство, что Одесса мне родная. Мы увезем яркие воспоминания о ней и об одесситах, с которыми мы встречались.

Вероника КОВАЛЬ.
Фото Александра Азарьева.

Анна ЯБЛОНСКАЯ П Е П Е Л

Время и смерть — самые конкретные и осязаемые понятия, которые только бывают на свете.

Однажды мой друг всех предупредил о своем желании быть кремированным. В случае чего. Он ничем не болел, любил музыку, работал на сезонных работах: грузчиком, продавцом кукурузы, оператором фасовочного агрегата на макаронной фабрике. Однажды, чтобы накопить денег на подарок матери (близился юбилей), устроился на кладбище помощником гробовщика: копал, возил камни на старой железной тележке, ухаживал за могилами. Рассказывал, что там — на кладбище — хорошо и спокойно. Ему было чуть больше двадцати. О том, как его случайно убили майским утром на улице в спальном районе, долго писали местные газеты. Две пули — в голову и в грудь. История в духе американского боевика: бандитская группировка выслеживает и убивает свидетеля, который находится под охраной властей. В этот сценарий никак не вписывался мальчик, который шел делать укол котенку. Там, знаете ли, жил товарищ, а у товарища жил котенок, а котенку нужно было сделать укол... Вместо котенка — лужа крови на асфальте, судебная экспертиза, морг. Какая уже, собственно, разница?

Как просил — так и сделали. Под дурацкий аккомпанемент псевдоромантической музыки (ему бы не понравилось) гроб водрузили на прилавок крематория. Вышел мрачный администратор и сообщил, что времени мало, а желающих много: так что, прощайтесь быстрее. У входа — очередь из мертвых.

Белый мрамор, черные ячейки, автоматизированные печи на пультах управления. Это были не похороны, а какие-то звездные войны. Межгалактический ритуал. Гроб медленно въехал в черную пасть печи вместе с телом человека и книгой, которую он любил... Мой друг был однофамильцем героя булгаковской "Дьяволиады".

Наверное, следовало развезти пепел над морем, но родственники настаивали на похоронах. Так индуистский ритуал скрестился с христианским. Маленький горшочек с прахом закопали в холодный чернозем. Было странно за всем наблюдать. Отверстие для глиняного горшка (ничего общего с живым человеком и памятью о нем этот сосуд не имел), выкопали

не глубже ямки, подобные которым дети роют в песочнице для сокрытия своих кладов: цветных стеклышек, вкладышей, бусинок. Пепел закопали, как бусину. Сверху придрали камнем с именем и цифрами.

Прошло пять лет. У меня в жизни многое изменилось. Я окончила университет, покрасила волосы, сдала экзамены в автошколе. Мои родственники, давно не посещавшие могилу бабушки, попросили отвезти их на кладбище. Появился повод посетить камень.

За два рубля сторож открыл ворота, на которых висел знак "въезд запрещен", и я, не веря тому, что это происходит со мной, медленно вела автомобиль по широкой кладбищенской аллее. Для человека, недавно получившего водительские права, езда по кладбищу — то еще развлечение. Впрочем, транспорта тут хватало.

У церкви парковались автобусы. Рядом с ними томились похоронные распорядители, одетые то ли как гардемарины, то ли как потомки графа Калиостро. Черные плащи, треуголки, белые перчатки, воротнички-воланы. Кому пришлось в голову их так одеть?! Неужели дирекция бюро ритуальных услуг нашла данный костюм соответствующим случаю?

Ожидая, когда пассажиры вернутся в автобусы по окончании формальностей, связанных с понятием "последний путь", "гардемарины" играли в карты на старой треснувшей скамейке. Руки в белых перчатках резво выхватывали козыри и крыли ими шаль. Рядом двое пожилых людей — вероятно, муж и жена — мыли высокий мраморный памятник, то и дело опуская тряпки в эмалированное ведро. Памятник изображал молодую девушку. Год ее смерти совпадал с годом моего рождения. На постаменте значилась впечатляющая надпись: "Мы просто не можем в это поверить!".

Принимая во внимание, что я еду на машине по кладбищу, где люди в черных плащах играют в карты, а другие люди тщательно драят каменное изваяние, а в небе то и дело низко летают самолеты (рядом — аэропорт), мне тоже с трудом верилось в происходящее. Гораздо легче было представлять, что все это — продолжение фантастического сериала, съемки которого начались пять лет назад в крематории.

Итак, эпизод второй. После посещения могилы бабуш-

ки (в результате чего выяснилось, что с надгробия украли облицовочную плитку!), мы отправились на могилу друга. Прошло полчаса, и я поняла, что заблудилась. Несколько десятков гектаров перенаселенного мертвецами поля и только один смутный ориентир (по памяти): большой черный прямоугольник с какой-то еврейской фамилией, и вот возле него — налево, а там уже дальше — где-то близко... Мне казалось, что я помню. Но я забыла.

Наконец мы увидели стелу с золотой надписью "Гольдберг" и свернули с главной аллеи. Несколько раз прошли по тропе мимо захоронения времен 2-й мировой. Вместо креста — выпуклая красная звезда. Вернулись обратно. Еще несколько кругов.

Я решила, что раз могилу друга сегодня найти не суждено — букет белых цветов я оставлю незнакомому Михаилу Ефремовичу Гольдбергу, умиравшему в середине девяностых по неизвестной мне причине. Решили сделать контрольную проверку. И вот рядом с железной пятиконечной звездой я увидела пирамидальный камень, мимо которого прошла уже раз шесть. У основания пирамиды значилось имя моего друга и годы его жизни. В сумме — неполные двадцать четыре. А мне уже двадцать пять. Значит, я стала старше.

Над кладбищем снова пролетел самолет. Так низко, что мы разглядели обе замкнутых черных окружности — двухмоторный АН-24.

Самолет брал курс куда-то за море, вероятно, в теплые края. А здесь — на большом кладбище небольшого города — распласталась осень. Словно здоровенная собака на узком коврик у дверей в тесную квартиру.

Ее — осени — внутренний объем и неясная сила вдруг перевесили значение остальных символов. Здесь так хорошо пахло прелыми листьями и так четко угадывалось приближение холодов, и тем острее ощущалась последняя нежность солнца перед долгими зимними сумерками. Циферблат на запястье съедал и съедан мгновения. Здесь чувствовалось присутствие чего угодно. Чего угодно — только не смерти. Мы постояли у могилы, где лежал пепел, оставили букет и снова вышли на аллею. Мимо быстро прошел плачущий человек — где-то рядом только закончились похороны.

Все изменилось. Смерть играла с осенью в прятки. Мы сели в машину. У кладбищенских ворот продавались желтые и белые хризантемы. Такие же точно цветы по осени мальчики дарят девочкам. Только без черных лент.

«Сильная женщина, слабый мужчина»

ПОЧТИ ШУТКА

Странное название пришло мне в голову. Собственный опыт, опыт подруг, знакомых, соседок. Каждой девушке хочется быть "нежной и удивительной", как Зоя Сеницкая (Ильф и Петров, кто не читал), встретить сильного, мужественного защитника на белом коне, как Стивен Сигал, Гаррисон Форд или, в крайнем случае, обаятельного красавчика, как Брэд Питт. А на самом деле ты укладываешь рельсы или стоишь с отбойным молотком (это в переносном смысле), а "принц" сидит, покуривает, попивая пиво, и лениво тобой руководит. Жуть! И говорит при этом, как он устал!

Все мои знакомые девушки, женщины — такие разные по возрасту, социальному положению, в конце концов, по весу. Но многое их объединяет. Стремление любить, преодолевать преграды, жертвовать собой, изменяться ради "него", забывая о себе, любимой. А результат? Может, перестать быть сильной? Начать вышивать гладью или плести макраме? Но тогда толпа ищущих женщин с образованием, положением затопчет тебя, скромную, невзирая на дружбу. Нуни, размазни тоже никому не нужны. А какие нужны? Черт его знает! Хорошая ты или плохая, толстая или стройная, плетешь макраме или руководишь фирмой, "он" через какое-то время все равно тебе изменит. Просто так. И будет обманывать тебя и ту, вторую. Она тоже несчастна, ненавидит праздники и выходные дни, берет мобильный в ванную и туалет. И ждет. Позвони мне, позвони! Замкнутый круг. "Осенний мажоран".

Безумные поступки ради любви, как в кино, у кого были? Вспомнила! В пятом классе известный в школе вторгоодник и хулиган Саша Ш. залез по винограднику к нам домой на третий этаж и украл мою фотографию, где я в пионерском галстуке. Помню до сих пор! Лично я ездила в Москву на полтора дня, чтоб увидеть любимого, в другой раз ждала перед его работой 1 января, чтоб увидеть на Новый год. Это, конечно, тешил их самолюбие. Но сегодня я подумала, что это нужно

не им, а мне, Галочке, чтоб доказать себе, что я есть, настоящая, живая, что не заржавела. Это то же, что я купаюсь в Черном море в ноябре, а потом лечу на крыльях в мастерскую — и я счастлива.

Как-то звонит мне подруга, рыдая в трубку. Я испугалась, что что-то случилось. Оказывается, ей любимый прислал шикарный букет цветов с запиской: "Женщине, которая умеет любить!". И всё. Она рыдала от простой записки. Оказывается, дело не в бриллиантах и дорогих подарках (но от них тоже никто не откажется), а совсем в другом...

Иногда узнаешь такие забавные истории, такие страсти — диву даешься! Никакой мексиканский сериал не сравнится. Такие любовные треугольники и многогранники! И мне нравится, что всегда и всему находится объяснение и оправдание. А еще мне в голову закралась одна мыслишка: может, Стивен Сигал и Гаррисон Форд в жизни совсем не такие. И не так обидно за всех нас по эту сторону экрана. И на душе становится легко! Не подумайте только, что я ярая мужененавистница, феминистка, лесбиянка и т. д. — не дай Бог!

Но все равно, несмотря ни на что — я самая лучшая, самая красивая, и ты, и она, и та, что напротив, и все мы!

Я люблю вас, Леночка и Олечка, Лариса и Катюша, Женька и Аллочка, Аннушка и Света, все мои девочки в джинсах или в платьях от Chanel, сарафанах и шортах, но все равно в наброшенных сверху оранжевых безрукавках или спецовках. Снимите шляпу, господа! Ура!

Галина ПАВЛЮК,
художник.

Александр ДОРОШЕНКО

ЗОРКО ОДНО ЛИШЬ СЕРДЦЕ

"Все, что живо, священо".
Уильям Блейк

"Узнать можно только те вещи,
которые приручишь, — сказал Лис. —
У людей уже не хватает времени
что-либо узнавать.

Они покупают вещи готовыми в магазинах.

Но ведь нет таких магазинов,
где торговали бы друзьями,
и поэтому люди больше не имеют друзей.
Если хочешь, чтобы у тебя был друг,
приручи меня!..

— Прощай, сказал Лис. — Вот мой секрет,
он очень прост: зорко одно лишь сердце.

Самого главного глазами не увидишь.
— Самого главного глазами не увидишь, —
повторил Маленький принц,
чтобы лучше запомнить.

— Твоя роза так дорога тебе потому,
что ты отдавал ей все свои дни.

— Потому, что я отдавал ей все свои дни...
— повторил Маленький принц,
чтобы лучше запомнить.

— Люди забыли эту истину, — сказал Лис,
— но ты не забывай:

ты навсегда в ответе за всех, кого приручил.

Ты в ответе за твою розу.

— Я в ответе за мою розу —
повторил Маленький принц,
чтобы лучше запомнить".

Антуан де Сент-Экзюпери.
Маленький принц

СТАРШИЙ МАЛЕНЬКИЙ БРАТ

"...на свете потому так много зверей, что
они умеют по-разному видеть бога".

Велимир Хлебников. Творения

"Человечество — без облагораживания
его животными и растениями — погибнет,
оскудеет, впадет в злобу отчаяния,
как одинокий в одиночестве".

Андрей Платонов.
Записные книжки

В громадных наших дворах собак было много, и были они домашние и дворовые. Впрочем, они тогда все были беспородные, просто одной псине повезло, а другим нет. Которым нет, жили во дворе, их кормил весь двор, и в самые сильные морозы кто-нибудь давал приют в теплом сарае. Мы же, мальчишки, равно любили всех своих псов и различия между ними не проводили. У собак наших была своя система отношений, кто с кем дружит или не очень, но приход чужой собаки в наш двор всех сплавивал в единодушном и свирепом отпоре. Правда, собаки чужих дворов эти правила знали хорошо и судьбу не искушали. С котами дворовыми (они все, хитрые бестии, устраивались в домах и имели хозяек) наши собаки жили мирно. Так, слегка шугануть, загнав на дерево наглую тварь, но это для порядка, поскольку за каждым котом стояла хозяйка, а с нею хорошие отношения означали иногда косточку. Дворовые псы ночами ис-

правно несли службу. Дворники исчезли вместе со старым режимом, когда на ночь обязательно закрывались ворота дома, и каждый, пришедший позже положенного времени, стучался и давал дворнику какую-нибудь мзду. Дворник играл роль консьержа. С революцией это ушло в прошлое, правда, по необъяснимой причине ушло вместе с воротами, и в большинстве дворов ворот не было вовсе, либо были это некомплектные или вкопец разбитые и никак не закрывающиеся ворота. Так что наши псы ночами охраняли дом.

Естественными их врагами были гитцели. Я не знаю происхождения этого слова. Ездили по утрам, как правило, очень рано, по улицам автомобили с ящиком-клеткой позади. Наверху ящика была крышка, а позади сетчатое окно, так что видны были пойманные бедолаги. Сразу за кабиной с двух ее сторон сидели два собаколова — гитцеля. У них были кольцевые сетки на длинных палках и на палках же петли. Ловили они любую собаку, покинувшую двор. И вбрасывали в свой ящик. Часто бывало, что хозяин, оповещенный об этой трагедии нами, успевал выбежать со двора и, догнав будку, выкупал свою собаку. Не успевшие отправлялись выкупать на станцию. Мы всегда бдитительно следили за гитцелями и загоняли своих псин во двор. Ненависть наша к гитцелям (и их к нам, мальчишкам) была непримиримой. Сколько камней летело в их машину! А мы стремглав убежали в свой спасительный двор. Любкой гитцель знал, что во двор ему лучше не заходить.

Долго живя с людьми, собаки становятся на них похожими, перенимая худшее, комплексы и страхи. Растерявшаяся собака становилась легкой добычей гитцеля, она теряла от страха способность думать и ориентироваться и часто сама шла в сеть. Но вот моя Сильва, уже старая во времена моего осознанного детства, дважды на моих глазах легко уходила от собаколовов. Они шли на нее вдвоем, с двух сторон, по отработанной методе, чтобы заставить собаку броситься в отчаянии в любую сторону и угодить в сеть. Сильва ждала, спокойно стоя на месте. И в последний момент, когда гитцель вздергивал свою сеть или петлю, она перепрыгивала через его инструменты и уходила. (Никогда не забуду, как колотилось мое сердце: на моих глазах гитцели пытались поймать Сильву, не реагируя вовсе на мои крики, как оно выпрыгивало из груди, и радостные слезы, когда я обнимал спасшуюся Сильву и целовал ее морду.)

РЕКС

Так звали моего пса, пожалуй, первого моего в жизни, поскольку Сильва была уже в доме, когда я в нем появился, и была мне как часть семьи, существовавшей до меня, была одним из старших. Овчаркой Рекс не был, хотя это имя может быть только у овчарки, он был, как у нас говорили, "переводня". Но сильная часть крови, определяющая, ему досталась от овчарки. Так что, имя ему шло. Был он крупный, вся овчарочья стать, даже зад был чуть прижат к земле, как у настоящей породы овчарок, вот только одно ухо у него не стояло, и что-то было в масти иное. Глаза у него были желтые,

волчьи, внимательные. В момент напряжения вся повадка его изменялась, он становился медлительно нетороплив и опасно спокоен. Мы любили друг друга, он рос рядом со мной, мы одновременно были детьми, правда, он стал взрослеть быстрее, много опережая меня, но старым я его не увидел.

Он всегда и везде был рядом со мной. Играл, бегал в саду, ел и спал. Спал рядом буквально, часто, когда удавалось, спал в моей постели, под одним одеялом. Бабушка этого не позволяла, она спала в одной со мной комнате, но ночью, когда все уже спали и все утихло, когда я уже дремал, он пробирался под мое одеяло, ложился к ногам и блаженно вздыхал. Зимой он согревал меня, но летом было жарко нам обоим, он терпел, радость была много выше неудобств. Все, что ел я, он ел. Я делился с ним самым вкусным, но он ел я: капусту, огурцы и помидоры. Яблоки. Разбив колено, я звал Рекса, и он зализывал мне рану. Так было принято у нас, мальчишек, и раны моего детства заживали мгновенно.

Потом что-то случилось. Он стал бросаться на соседей, правда, и соседи этого часто заслуживали. Все собаки не любят пьяных, а трезвыми я редко видел соседей. Он бросался не к ногам, подло и исподтишка, он летел в благородном прыжке на горло и несколько раз почти доставал. Помню, даже милицию вызывали соседи, хотя это в моем детстве и наших дворах была крайняя редкость. У него, видимо, была и в характере склонность — я заглядывал ему в рот, черным был этот рот, а это, мы тогда знали, признак злобы у пса. Его наказывали родители, несколько раз побил дед, и помню, как я плакал, и мы, оба страдальца, встретились под столом, где он прятался, и горевали вместе, и он все лизал благодарно мне руку, и слизывал слезы с лица. Его продали, тайно от меня, отвели на Староконный рынок и продали, кому-то за город, в охрану. И помню еще, как-то мы узнали, что он ушел от нового хозяина, перегрыз канат и ушел. То ли сам этот хозяин, встретив деда, жаловался ему, не помню. Я много дней подряд обходил самые отдаленные кварталы, но, видимо, его продали в очень дальнее место.

Это и есть одна из нескольких трагедий моей жизни. Такая боль бессрочна. Невыносимо больно сердцу — оно болит за себя и болит болью другого, собачьего сердца, когда я вспоминаю, как ему было плохо, как рвался он с цепей, на которые был посажен, и видел меня, своего брата, когда я вижу его глаза, полные слез, — когда я это чувствую, — я умираю... уже множество лет!

"И собаки умеют плакать,
Плакать, как плачем мы.
Ну, попробуйте, скажем, лапу,
Ударить, ущемить?"

Иосиф Уткин.
Повесть о рыжем Мотэле

(Когда-нибудь, я знаю, находившись и устав, я остановлюсь отдохнуть где-нибудь на углу, там, например, где соединяются проливы Берингов с Босфором, напротив Кубы, на самом углу Грибоедова канала и Мойки, оста-

новлюсь, достану сигарету и, наклонив голову, прикуривая, исподлобья увижу вдруг, как из-за угла, ускоряясь стремительно в беге, прижимаясь от скорости к земле, выскочит и бросится ко мне мой верный когда-то потерянный пес, мой серый мастью и рыжий глазами, мой родной и любимый, и я с разбега уткнувшись головой ему в густую шерсть, обниму его сильную шею и стану гладить лицо, и слезы нашей радости смешаются, и он высушит мои слезы своим теплым и шершавым, как время, языком. Уже скоро, вот-вот, еще чуть подождать — и мы найдемся. Любимые не теряются, и пролитые слезы не бывают напрасны.)

Любовь изменчива. Все проходит, и те, кого мы любили, изменяются: вырастают и отдаляются дети, стареют женщины. Сохранить и удержать любовь навсегда можно, только ее разрушив в самом расцвете. Насильственно прервав. Тогда она будет в тебе жить долго, будет болеть, как утраченная рука, но вот, просыпаясь, чувствуешь, побаливает кисть — залежал во сне, и опомнишься, ведь уже много лет, как нет руки. Люди разочаровывают. Но если Господь даровал вам в детстве любовь к собакам, это даровано навсегда. В этом невозможно разочароваться. И с годами эта любовь станет только сильнее.

Я прочел, что собаки из-за близости к нам, людям, чаще всех остальных животных болеют раком.

Ночной лай собаки в далекой бездонной тишине Космоса, — голос Земли в Вечность

Браки заключаются на небесах. Там впервые назначается и встреча собаки и ее хозяина. Эти термины, особенно "хозяин", случайны, и связаны с нашим незнанием вопроса. Речь идет о любви. И пары эти, реализуемые в земной юдоли, очень странные пары, вы так не находите? Здесь все, как и в обычной семейной жизни, только больше честности и много меньше вранья. А так есть все: ревность и взаимные обиды, глухое непонимание и прозрения. Лучшей стороной здесь всегда является собака. Она любит бескорыстно и беспредельно, она мирится с непониманием и душевной глухотой любимого... На самом деле мы даже не представляем себе, что нам даровано, и часто делаем из этого забаву... и они, наши любимые, мирятся с этим и все нам прощают.

В ожесточенных богословских диспутах Средневековья вопрос о наличии души у животных, собак и кошек, имел сторонников и противников, но по вопросу наличия души у женщины богословы были единодушны. Имеется ли там, наверху, собачий ангел? И как он должен выглядеть, и если все же с хвостом (есть ведь хвостики у чертенят, и это сомнений ни у кого не вызывает), то ведь различной длины и пушистости бывают хвосты у собак, а у некоторых они купированы.

(Наши собаки были с нами всегда, еще когда мы были шумерами, первым древним на земле народом, и все делал впервые. Значит, и собака тогда впервые пошла рядом с человеком, став у его ноги и чуть впереди, чтобы первой принять врага, а было это пять тысяч лет назад! Шумерам она помогала в охране стад против волков. Значит, в Месопотамии были и волки. Наверное, и наш предок Авраам, уходя на север из Ура и увозя свой скот, шел с собаками. Шумеры любили животных и держали в домах собак, кошек и мангустов, оставив целую литературу в виде басен за несколько тысячелетий до Эзопа. В уста собаки они вложили одно из прекраснейших выражений материнского чувства: "Сука говорила с гордостью: "Мне неважно, какие щенки у меня, рыжие или пятнистые, — я все равно их люблю!". Это было сказано по-шумерски и записано клинописью на глиняной табличке.)

КОТ, У КОТОРОГО НИ СТЫДА, НИ РОДИНЫ

"Серый,
Усатый,
Весь полосатый..."¹

"Но еще дальше от света были кошки.
Их совершенство пугало.
Замкнутые в точности и аккуратности
своих тел, они не ведали ни ошибок,
ни отклонений.
На миг они сходили в глубину,
на дно своей сущности, и тогда замирали
внутри мягкой кожи, становились грозно
и торжественно серьезными,

¹ Это котенок, так говорит Самуил Маршак, а шел 1929 год, и я удивляюсь, как никто не догадался, кто это был такой на самом деле: серый-усатый-весь-полосатый?!

Фото Олега Владимировского

а их глаза округлялись, как луны, втягивая взгляд в свои огненные воронки.

В их жизни, исполненной замкнутой в себе грациозности (в этом узилище совершенства), не было места ни для какой альтернативы".

Бруно Шульц.
Гениальная эпоха

Потом у нас были коты. Именно коты, крупные и сильные хищники. Первым был огненно рыжий, с благородными шрамами поперек морды, именем Рыжик. Он пропал, видимо, в дворовых кошачьих междоусобицах, и в доме появился черный котенок. Бабушка по привычке звала его тоже Рыжиком, так это и закрепилось. Еще маленьким он был уже отчаянно смелым и в одиночку ходил к нашей выгребной яме охотиться на здоровенных и злющих крыс, и однажды только моя помощь спасла его от гибели: он ухватил за хвост вовсе и никак этой наглости не ожидавшую здоровенную крысу, и упираясь всеми своими лапками, попытался ее вытащить из дыры, куда она, не разглядев опасности, сунулась было спастись. Когда она его, эту опасность, разглядела, к счастью, подошел я.

Он жил с нами долго, вырос в крупного сильного зверя. И сила эта была природная, страшная. Вот он лежит в блаженной дремоте, похожий на пуфик, мягкий, бесформенный, бескостный. И вдруг одним немислимым прыжком, мгновением, он взлетает на высокий подоконник. И это не то чтобы без разбега, но как-то даже и не приподнявшись с пола, с положения лежа. Ему почудилась спросонья птичка. Отвагу его описать возможно только в сагах: чужая собака не ходила по нашему двору. Он, увидя такую, не торопясь, со сдержанной до времени силой, выходил из палисадника, где заслуженно отдыхал, греясь на солнышке, и шел ей навстречу. Что-то в мягкой упругой его походке, в этой ленивой неторопливости, в некоторой даже мечтательности, написанной на морде, было такое, что заставляло любую собаку отворачивать в сторону, поджимая хвост.

Кореш у него был удивительный — тоже черный — крупный пес, приходивший к нему по утрам поиграть. Родом он был с гвоздильно-иглочного завода имени Иванова (дать такое имя заводу в нашей стране было все равно, что оставить его безымянным), на нашей улице, напротив двора. Они подолгу бегали по двору, резвились, изумляя всех, и особенно наших дворовых псов. Те разумно в странные предпочтения Рыжика не вмешивались. Потомством Рыжика были все поколения котов нашего и сопряженных дворов. Приходя домой, поев, он вспрыгивал на диван, дальше — мне на живот, где некоторое время искал удобную позу укладки и сразу же начинал довольно мурлыкать. Я, оторвавшись от книги, подолгу рассматривал его красивую тяжелую голову, всю в бойцовских шрамах, чуть прикрытые в блаженной истоме глаза, роскошные усы. Попытки согнать его с живота имели только временный успех. Он возвращался и укладывался вновь, и в глазах его читалась справедливая укоризна.

(Истинное назначение луны, лунного света, состоит в том, чтобы кошка могла спокойно гулять по крышам. Не помню, но, видимо, египтяне, боготворившие кошку, знали, что она рождена из лунного света.)

Кошка — воплощение совершенства, и об этом знает. Вот такие, дворовые и домашние, среди щербатых стен и выбитых дворовых плит, среди автомобилей, которых в наших дворах великое множество, среди дурно пахнущих жителей, среди непролазной осенней грязи — всегда, даже торопясь на разбой и разврат, — они элегантны и грациозны... Прячущиеся от собак под автомобильным брюхом и роскошно лежащие на автомобильных крышах поутру, на солнышке (как мадам Рекамье на кушетке, но кот никогда не позирует, он такой от природы).

Замкнутые в высоком своем совершенстве, безотносительно века, режима и нас, вечные и удерживающие неведомую нам связь со вселенной... Презирающие всех и вся, мир считающие только кошачьим, а всех остальных — прибившимися домашними животными... Высокие звезды — отражение кошачьих глаз, они даже мигают, следуя оригиналам...

Из всех животных, прирученных человеком, кот, живя с ним рядом тысячелетия, приручен человеком не был. Он сам выбрал удобство жизни при человеке и сам добровольно к нему пришел жить. Пришли же они к человеку в последовательности: коза, собака — и потом, когда человек стал относительно устроен и благополучен, пришел кот. Пожалуй, это он приручил человека. То, что он, кот, имеет утилитарно полезные склонности к ловле грызунов, — он это делает не в угоду и пользу человеку, он хищник и любит охотиться. Он любит охоту, не потому что она дает ему пищу, он любит подстергаться, преследовать и убивать. Домашний кот, поймав и замучив мышь (именно замучив, продлевая радость охоты и наслаждения смертной мукой жертвы), есть ее не станет. Он не голоден, да и привык к совсем иной пище. И так до сего

дня кот живет сам по себе. Мигрируя к северу, знаменитые египетские коты существенно изменились внешне, из маленькой и грациозной голова их стала крупной, а у российской популяции, ошеломляюще большой и лобастой, изменилась пушистость и расцветка. Неизменна суть.

Собака легко становится рабом человека, и если повезет с хозяином, становится ему равноценным другом. Везет редко. Кот вас только использует. Он никогда ради вас не станет менять свои планы и склонности, но рано или поздно вы обнаружите, что приносившиеся к его правилам жизни. Он к вам будет снисходителен. Не обольщайтесь, когда он, ваш любимец, сидя у вас на руках, блаженно мурлычет и трется мордой об отворот вашего пиджака, это потому что ему тепло и уютно, потому что теплы и мягки ваши руки, и ему нравится английская шерсть вашего выходного костюма, вы лично здесь ни при чем. Есть поговорка: "Собака привыкает к человеку, а кот к дому". Собака не привыкает, собака любит человека. Верна только вторая часть поговорки. Кот у хороших новых хозяев забудет вас; собака, если она вас любила, — умрет от горя.

(Полезно было бы провести сравнительное изучение кошачьих национальных черт. Всякое декадентство и изыски принимать в расчет не стоит — персидские и иные рафинированные породы, — только котов из народа, выросших на родной почве и сроднившихся со своим народом в бедах и радостях. Крупный российский кот — анархист по характеру, нечто среднее между Садко, заморским гостем и Емельяном Пугачевым, бандитом оренбургского периода. Не знаю, как белорусский, но украинский кот мало отличается от своего российского собрата, разве что пронзливостью и лучшим пониманием человека.

Немецкий кот менее доступен исследованию: в отличие от наших, свободных и художественных натур, вездесущих в среде обитания — во дворах, на крышах и прилавках продовольственных магазинов, — немцы живут замкнуто, в пределах дома, а дом у них, как хорошо защищенная крепость, и в открытые пространства не попадают. Я внимательно присматривался к их немецкой жизни, и не пойму, как они устраивают личную ее часть, не поднимаясь на крыши? Они даже ночами мартовскими (март у наших котов в среднем длится от января до ноября, почему они не орут в декабре и чем заполняют время этого месяца, не могу себе представить) вовсе не кричат.

Будучи в Париже, котов там не видел, думаю, что они особо развратны (уж на что наши предаются изнеженности нравов, но парижане должны быть особенные). И лживы — достаточно вспомнить Кота в сапогах.

Шотландский гладкошерстный спокоен, уравновешен и воспитан. Он джентльмен. Размножается слабо и без любви к делу. Вот интересно, как выглядят коты в Израиле? Туда вывезены были наши красавцы русаки, но ведь в этом регионе должны были сохраниться и природные местные особи, родом из Египта, древняя кошачья первооснова, с маленькой головой, грациозные... Американские коты, в основном, кастраты, это от любви и заботы о них владельцев, и когда-нибудь американцам это зачтется!)

Кот застенчив. В нем это от гордости: он не любит выглядеть смешным. Видели ли вы охотящегося кота? Это происходит всегда где-нибудь на задворках, без свидетелей. Я наблюдал однажды кота, ловящего голубя. Был это крупный, по-домашнему ухоженный кот, самой распространенной у нас помойной расцветки. Дурак голубь что-то искал у дерева, и как только он отворачивался, кот делал очередную рыжок. Низко, на согнутых лапах, стремительно. И застыл, как только голубь повернулся в его сторону. Только кончик хвоста у кота недовольно и нетерпеливо подергивался (собака, вилля хвостом, выражает радость, кот — крайнее недовольство). И вновь рыжок. Я болел за кота. И в какой-то момент кот почувствовал свидетеля, меня. Он повернул морду, увидел меня и выпрямился. Я был далеко, я стоял, наблюдая, и мешать ему не собирался. Но кот прекратил охоту. Более того, на его лживой морде явственно читалась мысль, мол, какие глупости, да не охотился я вовсе, с чего вы это взяли, просто хожу себе утру, нюхаю вот цветочек. Собака всегда пустит вас в свою игру и с радостью примет участие в вашей. Кот — соглядатай. Мы для него всегда объект наблюдения, чужеродный и развратный кот полезный. Но не всегда умный. Это собака преклоняется перед нами. Кот снисходит.

*"Кот повис на диване, как Ромео на веревочной лестнице"*²

(Вот догадка: может быть, коты — это такая порода инопланетян, и посланы они наблюдать нас и докладывать кому-то там, наверху, о нашем устройстве? Но тогда что же делают бездомные коты — или они притворяются?

² Илья Ильф. Записные книжки. Это изумительно верный взгляд на Шекспирова трагедию, и только так надо себе представлять всю эту сцену для правильного видения Шекспира (Прим. автора).

Фото Евгения Волокина

И почему они так истошно орут, собравшись группой и предаваясь изнеженности нравов? (Это выражение не мое, а Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина.) Возможно, это есть обычай их далекой родины, и там, бесконечно далеко, на Сириусе или с иным кошачьим названием, их родной планете, они все так делают. Вот ведь ужас какая там царит музыка!

Я догадался не первый — Лао Шэ в своих "Записках о кошачьем городе" описал подлинную жизнь котов, и с тех пор они, разоблаченные однажды, не строят больше стран и городов, а живут рядом с нами, притворяясь пушистыми прелестями. А сам Лао Шэ исчез бесследно, и никто этого объяснить не сумел, но вот я знаю: это месть разоблаченных им хвостатых негодяев. И Михаил Булгаков в "Мастере" вывел этих двоих, верного даже Пилату пса и кота-проходимца с примусом. Правда, получается так, что кот этот сопутствует дьяволу, чего до Булгакова, вроде бы, никто не отмечал.

Верным спутником дьяволу может стать только пес, но не всякий, а только благородный и древний на земле пудель. Он, пудель, происхождением из еврейско-арабской Испании, из халифата, именно оттуда есть первые о нем упоминания. Воспитанный в образованной среде, наслушавшийся каббалистов, он среди прочих собак мира существует особняком, как еврей среди других народов земли.)

ПЕС — ЭТО ЗНАМЯ ПРАВДЫ, КОТ — ЭТО ТАЙНЫЕ СТАТЬИ ДОГОВОРА

Пес мне понятнее и ближе китайца. Я не знаю языка обоих, но с псом я могу помолчать. Мой пес не одобряет котов, их манеру таиться в темных углах и растворяться без остатка в темноте ночи, лживость и двусмысленность их походки и наглость взгляда... Пес может разорвать жертву, но мучить ее, наслаждаясь, никогда не будет.

"— Н-да-а! — сказал я еще раз дрожащим голосом.

Крыса наклонила голову в другую сторону и все так же продолжала смотреть на меня.

— Ну что тебе нужно? — сказала я в отчаянии.

— Ничего! — сказала вдруг крыса громко и отчетливо.

Это было так неожиданно, что у меня прошел даже всякий страх.

А крыса отошла в сторону и села на пол около самой печки.

— Я люблю тепло, — сказала крыса, — а у нас в подвале ужасно холодно".

Даниил Хармс.
Около января 1937

В доме всегда было много разного зверья: бегал ночами и пыхтел принесенный дедом ежик (однажды он влез в дедов сапог и там, уютно свернувшись в портянке, уснул, он, видимо, решил так устроить себе домик, и дед, натягивая утром сапоги, долго ругался, ежик, впрочем, тоже остался недоволен дедом); как-то зимой жили у нас два вороненка, самые наглые из домовых обитателей, они быстро освоились в доме и на пару преследовали нашего кота своими клювами. Как-то лютой зимой мы взяли в дом целую стаю воробьев, и они с неделю весело гомонили у нас на кухне. В сараях же мы держали кабана и — много позже — дед развел кроликов. В холодные зимние дни их брали домой, и они жили на кухне под дедовым верстаком. Мягкие и пушистые, с задумчиво шевелящимися усиками, любопытствующими бусинками глазок, они привыкли ко мне и доверчиво брали с руки капустный лист или морковку.

Знаете, как убивают кролика, чтобы сохранить целой его шкурку? Я это увидел подростком — молотком по голове! Я долго болел после увиденного и не выздоровел до сегоднешнего дня.

*"И даже
В продаже
Конского мяса
Есть "око за око"
И вера в пришедшего спаса".*
Велимир Хлебников.
Смерть коня. 1918-1919

"Чтобы пища пошла на пользу, она не должна быть приготовлена из мяса животного, пережившего перед смертью страдание" (Уильям Блейк). И если мы не можем иначе, не можем не поедать своих братьев, то хотя бы немногое это...

"О, Сад, Сад!

Где в зверях погибают какие-то прекрасные возможности, как вписанное в часослов Слово о полку Игореве во время пожара Москвы".

Велимир Хлебников.
Зверинец

У древних народов существовал запрет на использование в пищу мяса одомашненных, прирученных человеком животных. И проливать их кровь был грех. Об этом знали еще древние эллины. И этот запрет, когда они его выработали, сделал их людьми, а нас, его нарушивших, превратил в то, что мы есть.

Сергей МЕЛЬНИК

А СВЕЧКА ВСЕ ЕЩЕ ГОРЕЛА...

(Окончание. Начало в № 3/67.)

И все-таки светлый и чистый лик сестренки меня успокаивал и становился тем маленьким утешением, которым я мог хотя бы в малой мере себя успокоить. Но когда я узнал, что она свою чистоту отдала кому-то, но не мне, что она питала нежность и чувств греховной любви к кому-то, но не ко мне, я пришел в ярость, которую прикрыв понятием чести и боязни позора. Тогда я не мог ей простить, потому и...

Сам не заметив того, как вслушиваясь в шумный стук своего сердца, я отстранился от присутствия Жени и удалился в собственные воспоминания, которые меня терзали и которые все-таки были сладостны. Я очнулся от них, лишь когда Женя всхлипнула и заплакала. Я испугался. Неужели я проговорился и все рассказал? Или ее тронула та пара слов о сестренке?

— Ну, успокойся, — прижал я ее голову к своей груди, как это я делал с сестренкой, и начал утешать ее взволнованным и дрожащим голосом, но на самом деле я пытался успокоить самого себя. — Ты же мою сестренку не знала, а плачешь...

Но успокоить себя я не мог.

— А сколько ей было?

— Шестнадцать...

После моих слов Женя еще крепче прижалась к моей груди, а мне все еще было непонятно, то ли я рассказал все начистоту без утайки, то ли она знала сестренку, то ли так тронули ее мои слова, что она заплакала. Я хотел спросить Женю о своем сомнении, из-за которого испытывал идиотскую неловкость и замешательство, но так и не смог вымолвить ни слова. А она тихо лила слезы, от которых мне становилось еще невыносимее. Воспоминания и слезы. Что может быть хуже?! Они так убийственно действовали на меня, отчего гул сердца становился до безумия оглушающим. Детское личико. Наивные серые глаза. Слезы. Воспоминание. Сестренка. Слезы. Гудящий шум. Шум. Удары. Сердце.

И вот у меня возникло ощущение, что еще чуть-чуть — и я сойду с ума. Потому что не выдержу, как щемит сердце. Оттого, что охватило безумие: нахлынул шум, покатились слезы, а вместе с ними — попылки воспоминания... Я неожиданно закричал.

Женя перестала плакать. Серые испуганные глаза смотрели на меня недоуменно и ждали, что я буду делать дальше. От неожиданного крика, который нагнал на нее немало страха, она пришла в полную растерянность, детскую растерянность. Я видел это в ее глазах. Я почувствовал, как мои щеки обдало жаром. Из-за стыда... Скорее всего, нет... Но из-за чего, у меня не хватило мужества признаться самому себе... И все-таки... Потому что... Я накричал на слабую девочку, которую любил больше всех в жизни, потому что ударил ее, хрупкую и нежную, потому что я... Я испугал Женю. Я, мужик, не нашел ничего лучше, как наорать, вместо того чтобы... чтобы... чтобы... простить и понять... Понять и простить...

— Прости меня, — я взял жесткую руку Жени в свою и почувствовал ее тепло. — Ты плакала, а я не могу слышать, когда плачут. Мне невыносимо дико становится от чужих слез.

— Нет, ничего, — она виновато потупила свой взгляд на пол. — Это ты меня должен извинить. Я, истеричная дура, не могу совладать с собою, когда чувствую что-то близкое, горькое и родное.

Женя потянулась к сумочке, вынула от туда испачканный губной помадой платочек и вытерла им слезы.

Затем вышла из комнаты. Потом вернулась и села рядом со мной.

— Мне тоже было шестнадцать, как и твоей сестре, — протянула она тихо с мечтательностью в голосе, к которой после вдруг добавился цинизм, отчего на миг она изменилась в лице. — Я влюбилась безумно. В красивую сволочь. Даже не сволочь, а в скота. Знаешь, так уже заведено: любовь зла, полюбишь... Животное, которому отдашь всю себя безвозвратно ради одной лишь глупой выдумки под названием любовь...

Женя замолчала. Цинизм и мечтательность растворились. Осталась все та же кротость и детскость, перемешанные с горечью и усталостью на овальном лице.

— И я тоже доверилась тому, который мне казался единственным и неповторимым, — вновь тихо начала она. — А потом... В общем-то, меня в нем привлекали хулиганство, мужественность и красота. Он действительно был красив. Глаза голубые, такие удивительные... Чуть заметно перебитый нос. Выпуклые губы. Подбородок с ямочкой. А сам коротко острижен. С толстой шеей и широкой грудью. Он был высоким. И очень сильным. И к тому же еще — умным. Он мне казался необыкновенным, хотя и было ему всего двадцать, и к тому же был он из семьи интеллигентов... Но он был действительно необыкновенным. Он только что вернулся из армии. Я его и раньше видела, когда была совсем маленькой девочкой, но в него влюбилась лишь тогда, когда увидела на дне рождения у подружки. Да, именно тогда он показался мне ни на кого не похожим, замечательным и... Он не был для меня принцем, он казался мне больше, чем принц, потому что принцам не хватает мужественности, некоторой грубости и простоты, которая порою притягательнее, чем обыкновенная смазливость, как у большинства комнатных ребят. Они ведь больше походят на кукол, с виду миленькие такие, а внутри — пусто... А он...

На дне рождения я в первый раз выпила и в первый раз почувствовала прикосновение мужских рук, нежных и в то же время сильных, на своем теле. И эти прикосновения были его. Он шептал мне приятные слова и гладил, так гладил, что я млея, как кошка. А в ванной он мною овладел. Сначала лишь я ему сопротивлялась, так, ради приличия... Мне было больно, но ради него я стерпела.

После начали встречаться. С ним я уже не чувствовала себя замурзышкой, нет... Он называл меня принцессой, это так и было, потому что я себя именно ей рядом с ним и представляла. Многие девочки из-за этого мне даже завидовали. Так завидовали, что я... О, какое я испытывала наслаждение лишь от присутствия с ним на виду у одноклассников и знакомых. А потом, как это тебе сказать... Мне еще в нем нравилась та грубость и нежность, с которыми он мной овладевал. А овладевал он мной часто. Для этих дел он вел меня в чей-нибудь сарай или подвал. К себе домой — родители не позволяли, поэтому — в сарай или подвал... И там, среди грязи и вони, он одаривал меня своей грубой нежностью... Мне все это было ужасно неприятно, а с другой стороны, я этого страстно желала... Так желала, что сама об этом его просила... И вот...

Как-то однажды в очередной раз зашли в подвал для этого самого, а там сидят его друзья. Я смутилась, а он — нисколько. Они там что-то уже с самого утра отмечали, почти все были тогда навеселе, предложили ему и мне присоединиться их торжеству, он согласился, я — тоже,

хоть мне и не нужно все это было, так ведь он так захотел... Он с ними выпил, а когда он пил, то становился дураком. Вот и тогда тоже... Он при всех начал трогать меня, а потом ему прямо при всех меня захотелось... Ну, овладевать мной... Я же при всех не хотела... Он меня насиловал, но никто из тех ребят не вступился за меня, все смотрели и улыбались, подзадоривая его и подшучивая надо мной.

Когда он сделал свое дело, обозвал при всех шлюхой и пустил по рукам. Я кричала до хрипоты, но все было бесполезно. Их было шесть человек, и каждый из них прикасался ко мне своими грязными руками и подминал меня, обесилевшую от криков и сопротивления, зловонными потными и до омерзения липкими телами. После кое-как меня одели, влили водки в рот и отправили домой. Родным сказать обо всем боялась, как и теперь боялась его, которого все еще продолжала любить. Он звонил мне, но я бросала телефон. Он приходил ко мне, но я не открывала двери. И все это время как последняя дура продолжала любить. Любить, как и раньше. Знаешь, любовь — самое худшее, что есть на этом свете, потому что...

Я ничего не могла с собой поделать... И вот шикарным цветам, красивой коробке конфет и слезной мольбе о прощении я уступила. Я поверила ему, стоявшему передо мной на коленях, потому что я не могла ему не верить насчет водки и дурости. Но главное — насчет любви. Любима ведь его по-настоящему!.. Мы с ним снова встречались. Время шло... Я уже успела позабыть обиду и ужас в подвале. Как и прежде, любила безумно его, который был мне защитой и не только ею... Ведь он был для меня всем, и человека, который для меня был дороже всего на свете, как он, я и не знала...

Однажды он поинтересовался в карты. Денег не было, а проценты росли. Какие-то головорезы начали ему угрожать. Раз даже побили... Знаешь, он был сильным, но не настолько, чтобы справиться с ними со всеми. Я очень испугалась тогда за него, я испугалась, что потеряю его. Ой, как я тогда боялась, что настанет день, и его не увижу никогда... Я тогда была уверена, что смогу его спасти... Я сама предложила ему отдать меня кому-то, чтобы были деньги. Он сразу же согласился, заверяя меня в том, что еще больше любит, а мне ведь и большего не нужно было, как услышать его безудержный поток слов глубокой признательности и безумной любви ко мне, чтобы ощущать себя счастливым от одной лишь мысли, что я спасаю его, который для меня все на свете.

Он подкладывал меня под чучелок с рынка, подкладывал под своих приятелей, которые ему готовы помочь, но лишь за что-то, а я все ложилась и отдавалась всем им, терпя все эти нескончаемые вечера и ночи с теми вонючими скотами. Я ведь его любила, потому и находила в себе силы терпеть все это. И конечно же, спасать его. А спасать мне приходилось все чаще и чаще, пока из дому не выгнали родители, когда вся округа не начала обо мне говорить, что я грязная дешевая проститутка. А он...

Я отдавалась ему все реже и реже, потому что все реже и реже он хотел мною овладевать, а другим — все чаще и чаще, потому что надо было за него расслабляться... А еще... Он ведь жил с культурными родителями, ну прямо — аристократами, такими видными и представительными родителями, с которыми часто ссорился и сразу же мирился, потому что глупо было покидать обустроен-

ную крышу отчего дома и уходить в неизвестность, пугающую своими лишениями и нищетой.

А я, дурочка с переулочка, не вписывалась в этот семейный интерьер, в котором замелькала худенькая и совсем чистенькая девочка, очень нравившаяся всем, а ему в особенности. Его любовь ко мне с ее появлением в его жизни прошла. Я даже не заметила, как это произошло. Как произошло, что им позабылись мои жертвы во имя любви к нему.

Правда, что говорят, все проходит, и это тоже пройдет... Так вот, его любовь ко мне прошла, угасла. Он тогда уже завязал с картами и перестал делать долги. А потом неожиданно кто-то из родительских дружков устроил его на хорошем доходном месте. Вскоре его заставили жениться на той хрупкой Розочке, после свадьбы с которой у него появились свои деньги, свой дом и своя машина. Ведь у всех на устах я была вшивой проституткой, которой он уже, как и многие знакомые, стеснялся на виду у людей.

Так он меня бросил, и я... Домой так не вернулась, потому что меня уже похоронили захиво... И я... Что я умела делать, если из-за своей любви забросила школу и наплевала на училище? Ничего... Иди куда-то учиться среди тех, кто младше тебя, и... Сам понимаешь глупо все это было. А жить на что-то нужно было и где-то, да так, чтобы хватало... Я ведь ничегошеньки не умела толком делать, кроме как продавать себя за деньги... Так это все пошло и поехало... И вот так меня уже не стало... Дочери... Любимой... Влюбленной девушки, счастливой и мечтательной, какой была я раньше. Не стало... Умерла...

Женя замолчала. Слез на ее глазах уже не было. Лишь чуть заметные разводы от туши, которую она не вытерла в ванной. На ее лице, взросло-детском, все еще оставалась горечь, перемешанная с усталостью, но эта горечь была окрашена стоическим спокойствием, что и придавало детскости ее лица черты взрослости.

Я смотрел на это спокойное детско-взрослое лицо, утомленное от горечи и усталости никого не щадящей жизни, и почувствовал жгучую боль в груди. В детстве я почти никогда не плакал, не любил, когда плакали другие, даже когда плакала сестричка, но в тот момент, когда я увидел выражение детских стоических глаз, наивно-детских, сестринских глаз, я почувствовал, что вот-вот и — заплачу от неимоверной боли внутри себя, боли, которую испытывал только дважды.

Тогда, когда я был совсем маленьким, обиженным сворой злых ребят, отнявших у меня самое дорогое, что у меня было, — буденовку деда, которой я так часто гордился и дорожил. Они отняли, а я не мог у них ее отобрать, потому что мальчишки были меня старше и сильнее. Они побрили меня, отпустив домой ни с чем. Я пришел и плакал. Плакал от своей слабости и беспомощности. У меня отняли самое дорогое, память о деду, которого уже нет, и мне не оставалось ничего, кроме как смириться с тем, что я беззащитный маленький мальчик, которого старшие могут обидеть, и за это им ничего не будет. Потом я возненавидел самого себя, слабость и беспомощность. Я стал сильным и жестоким, как все жестокие и сильные.

И так было до тех пор, пока не умерла сестричка. Ведь это я ее убил. Своєю жестокой, не все прощающей любовью. Тогда мне пришлось испытать боль во второй раз, из-за своей беспомощности изменить и измениться. Я осознал, что

жестокость, моя жестокость, была глупой, пустой и ненужной, она была все той же слабостью, но со знаком минус, она погубила прекрасное и хрупкое. Чувство, пусть и греховное, но до бескрайности волнующее, причиняющее сладостную душевную муку, отчего чувствуешь себя до безумия по-настоящему счастливым человеком. Тупая жестокость погубила... хрупкое... создание, в котором заключался весь смысл моей жизни.

Я осознал, хотел, но не мог стать прежним, как тогда в далеком детстве — добродушным мальчиком, который нравился сам себе, не мог вернуть и вернуться назад, когда было то, что радовало и приносило удовольствие. Я хотел, но не смог, потому что получилось не совсем то, чего желал, — я стал циничным брызгой, жутким эгоистичным субъектом, считающим себя невесть кем, но боящимся прошлого, и боящимся признаться самому себе, что я есть на самом деле. Я стал так легко и просто жалким и несчастным, не имеющим ничего такого, чем мог бы довольствоваться по-настоящему и искренне...

— А знаешь, — Женя даже чуть улыбнулась, — я до семнадцати лет писала стихи. Сейчас вот вспомнила одно, самое последнее:

В моих руках свеча горела,
Играя тенью на стене.
Я молча на игру смотрела,
Не замечая, как по мне

Стекали слезы маленькой свечи,
Что с каждым мигом

делалась короче

В мучительно растянутой ночи,
Что выдержать уже нет мочи,

Как нету мочи вынести печаль,
Обиды, боль и унижение,
И жизнь, которую не жаль,
И счастья дикого мгновенья...

Глупое стихотворение, правда? Еgo я назвала "А свечка все еще горела". Название тоже глупое. Да и сама я была душой набитой, в любовь верила... Верила... Верила...

Женя глубоко вздохнула, усмехнулась, а потом тихо заплакала. Я ее обнял, уже не испытывая безразличности к ее слезам, не пугаясь своей слабости и воспоминаний. Я нежно гладил ее, уже не вытесняя в тайники своей души щемящую боль, боль другого человека, боль, которую испытывал как свою, как и испытывал вновь ожившее во мне после долгих лет чувство, которое считал умершим. Я хотел заплакать, но не смог. Не смог, может быть, потому, что в тот момент меня переполняли разные эмоции, в которых я все еще путался, как в рыбацких сетях, эмоции, которым все еще не мог доверять, как не мог доверять проблеску обыкновенного чуда в жизни, затопленной в серости будней.

Я испытывал боль и вместе с тем ощущал накатывающиеся на меня огромные волны умиротворения, размывающие внутри все мои прежние страхи и давнишние переживания. Я не смог заплакать, потому что начал осознавать, что не должен больше огорчаться ни из-за жестокости, которая долго оставалась моим бесилием, ни из-за бессилия, которое долго оставалось непреодолимым лишь до сей поры стремлением быть самим собою. Не должен, оттого что только теперь вновь нашел утраченную надежду полюбить, а потому — иметь тихую радость чаяния когда-нибудь стать просто счастливым благодаря всего лишь одному человеку...

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:

www.odessitclub.org

Игорь ПОТОЦКИЙ ПАРИЖСКИЕ СТРОФЫ

1

Тебе среди парижской сутолоки
не выдам скорбных мук своих,
чтоб не плутала и не путала
с ноктурном мой последний стих.
Боюсь его дыханьем льдыстым
ворваться в жизнь твою, как в круг,
где, зачарованная Листом,
ты не боишься зимних вьюг.
Ты вновь легко находишь пристань —
Париж, не хочется домой,
ведь где еще сыграешь Листа
на мостовой?

2

Стать поперек Парижу в одночасье,
срываясь, как Целан, уйти в ничто,
но перед этим нацарапать наспех
последний стих — огромный, как метро.
Как будто там столкнулись два состава,
и ничего уже не разберешь,
и мысли то налево, то направо
бегут толпой сквозь вымысел и ложь.

Дрожит стиха последняя молитва,
блещат сурово недругов штйки.
Проиграна решающая битва,
вниз головой летишь на дно реки.

3

Здесь нищие поэты плыли
в чаду трагических утрат,

им годы подрубили крылья,
не выдав премий и наград.

Летят стихи разноязыкие,
устраивая тарарам,
о волны Сены мрачно тыкаясь
и разбиваясь тут и там.

Так и не ставшие великими,
давно почили их творцы,
не озарив своими ликами
музеи, площади, дворцы.

4

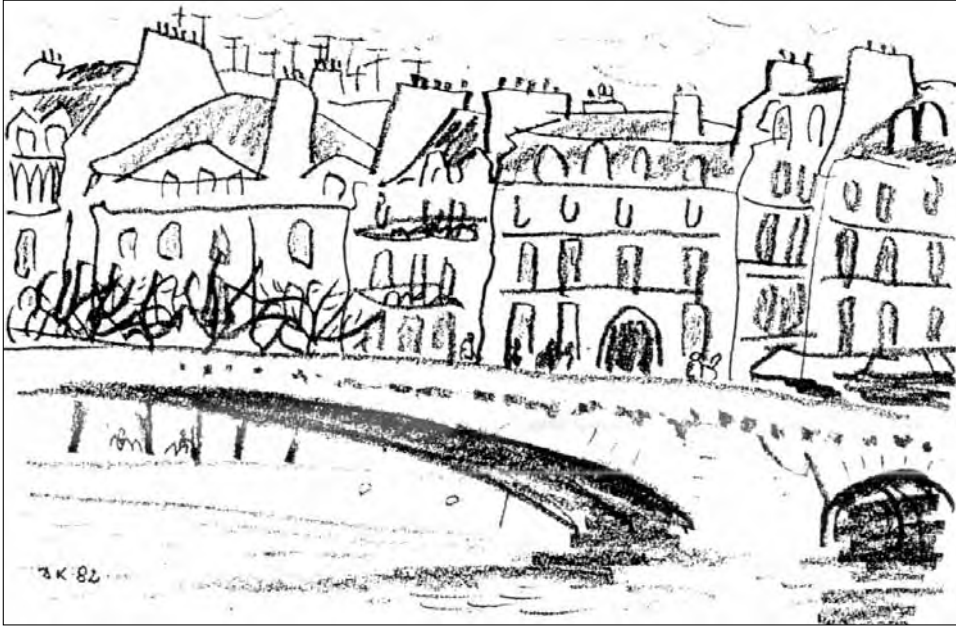
Клошарная мука без звука
отпугивает на лету
умеющих слышать в два уха
чужую тоску и беду.

Вступив в состязанье с Равелем,
замедлила вьюга шаги.
И кровь уже на акварели,
как возглас "скорее сожги!"

Заминкой, случившейся в хоре,
я горе чужое приму,
как в детстве — не Черное море,
а только холодную тьму.

5

Венсенского леса, как гунны,
вновь гулы поведать вольны,
что рвутся любовные струны

под взглядом жестокой луны.
Страшнее любого трамплина
ее несговорчивый взгляд,
где боль и тоска воедино
сошлись, как слепцы, наугад.

6

Проступает на холст
боль, подобно осенней листве,
но осилю я злость
и письмо допишу я тебе.

Боль и холст — вразнобой,
злость и строчек нелепый каскад.

Тут вступает гобой,
и ему не бывает преград.

7

Белая, как береза, и юркая, как мышь,
выбравшись из печали, как из пальто,
сколько слов ты выдумала про Париж,
где до нас с тобою не бывал никто.
Там совсем не праздничен зданий вид,
там окурков масса прижалась к земле,
там твой юный голос слегка дрожит,
словно потеряться боится во мгле.

СТИХИ О ПАРИЖЕ 2007 ГОДА

Безумней всех начал тех траурных симфоний,
где близок час разлук и где поникла медь,
в последний раз твой смех, как в трубке телефонной,
услышал и поник, готовясь умереть.
Прощай, прощай навек, уже мне не приснится,
как ты лежишь нагой на смятых простынях,
таинственной дождя, влекущую страницей,
мелодией утрат, запрятанной в стихах.

Мне подарил Париж не просто твое тело,
а виражи любви, где каждый твой изгиб
то скрипкою звучал, не ведая предела,
то барабана дробь бросал в сердечный всхлип.
И лунный свет парил над музыкальной строчкой,
где нота, как ладья, возвышенно плыла,
когда настала ночь, и ты в одной сорочке
легко ко мне вошла, исчезла сразу мгла.

Нас подхватила страсть — и струны зазвенели,
беря любой трамплин и уходя в зенит,
и замолчал Париж, как голос пустомели,
чья речь иссякла вдруг и больше не гремит.
В любовную игру, отгородясь от боли,
не видя ничего, помимо старых крыш,
играли мы с тобой, забыв другие роли,
любили мы навсхлип, как нам велел Париж.

Буду помнить тебя в двух обличьях — и жалкой, и жаркой,
населившей собою почти беспредельную тьму,
словно в граде ночном ты одна, становясь парижанкой,
мне шептала Рембо, доверяя лишь мне одному.
От степи черноморской почти ничего не осталось,
ведь ее удержать невозможно в ладонях пустых,
почему же одесское солнце слепящую ярость
все струило с небес, наподобие пуль холостых?
Почему же Париж мне казался ночной Молдаванкой,
где безоблачен смех, где ирония вечно царит,
где я в детстве любил наблюдать голубей спозаранку,
забывая внезапно тревожную тяжесть обид.
Помнишь, шли мы с тобой

мимо домиков старых, невзрачных,
ты прижалась ко мне, словно боль всю свою отдала,
что, как белый флажок, прицепилась однажды на мачте,
а потом уплыла, прошумев, как под ветром ветла...
Тут в военные дни на погибель евреев собрали,
на убой повели, полицейские рыла тупы,
но тогда в темном небе облака безутешно рыдали,
закрывали глаза, расшибали в отчаянье лбы.
Отгремела война, расцвела Молдаванка весною,
зашумели акации гордой своею листвою,
но опять мне казалось, что серой и страшной толпою
проплывают евреи, которых ведут на убой...
Но теперь — прочь виденья! С тобою мы бродим Парижем,
а потом — ты моя. Навсегда! И холодная тьма
отступает бегом, понимая, — ее ненавижу,
но рассвет настает. Как прекрасны над Сеной дома!

В Люксембургском саду я возлюбленной тень повстречал —
не своей, а чужой, и ее колыхались ресницы,
отвергая тоску, прогоняя навечно печаль,
закрывая глаза, где огонь ничего не боится.
Этой тенью прекрасной, возникшей под фонарем,
был я заворужен, потому мне деревья листвою
напевали про сон, где мы долго бродили вдвоем —

все кружились по саду, сведенные вместе тропой.
Та тропа — как судьба, почему же шептала с тоской
тень возлюбленной голосом ветра, где много печали:
— Забери меня, слышишь, от злобного смеха укрой,
свое сердце открой, хоть тебя я увижу едва ли!
Тень лицо закрывала, и плакала долго навзрыд,
вспоминая мужчин имена, чьи крамольные руки
проиграли на ней марш любви и сонату обид,
и пропали в саду, как роля высокие звуки.

Вдруг вестника прекрасное лицо увидел я
и понял, что напрасно
твое лицо пытался я забыть и сразу вспомнил,
как оно прекрасно.
Париж был ослепителен, но боль дыхание пронзила
на мгновенье,
я потерял опору и упал, как будто с лестницы; одни ступени
перед глазами. Больше ничего. Как будто я
легко качусь со склона,
и тело раздирают камни, душу мне раздирает
похоронным звоном,
но ангела я вижу над собой; он тянется ко мне,
и он все ближе,
почти вплотную, он меня спасет.
Луна уже сверкает над Парижем.

— Луна, твой ангел улетел куда-то,
но перед этим спас меня. Я помню
его лицо божественное; сумрак,
где роем тени; недовольство ролью,
в которой я в Париже, — жалкий странник,
голодный нищий и ниспровергатель
всего и всех, где громко я рыдаю;
и, шаря по стене, я выключатель
найти пытаюсь, только он, как муха, выскальзывает.
Свет молчит —
мир темен, витиеват, к предательствам готов он.
Как долго он молчит
и как страдает! Скорей, скорей
пусть вспыхнет злая люстра!
Пусть канет темнота! Скорей, скорей пролейся, свет,
ведь без тебя так грустно!

Луна молчит, прикрыв лицо ладонью...

Плачь, башня Эйфеля, что от меня ушла,
похожая на осенний дождь,
возлюбленная, хлопнув дверью, ушла,
и ее теперь не вернешь.
Взгляды ее кругами на Сене дрожат,
в реке обретая наконец-то покой,
они спустились на самое дно,
их невозможно достать рукой.
Они между камешков залегли, как в памяти годы,
и только один
камешек в кармане моем,
но он холоднее всех вьюг и льдин.
Плачь, башня Эйфеля, пусть кругом
траурный зазвучит ноктурн,
как будто ветер стал смычком, и кроны деревьев коснулся,
как струн.
И эти струны нам говорят, что каждый из взглядов твоих
прошелестел, проскрипел,
а потом превратился в траурный стих.

Плачь, башня Эйфеля, слез не жалея,
глаз своих не смыкай,
пускай донесется твой скорбный плач
в мой черноморский край.

Плачь, башня Эйфеля...

Париж — в тебе, а ты сейчас во мне
и повторяешь, как стихотворенье,
что площади Вогезов нет прекрасней.
Стоит февраль. Я плакать не готов.
"Возьми меня!" — ты шепчешь.
Я не слышу. Я фонарям читаю о закате
какие-то совсем чужие строчки.
Читаю и смотрю, как твое платье
становится афишей. Улетает.
Не убегай, ведь нагота прекрасна.
Ты лишь ресницы совмести. Скорее!
Возьми меня или себя отдай!
Вонзи в меня не просто свои чары,
ведь мне до них нет никакого дела —
Париж их гасит прямо на лету, а что-нибудь существеннее!
"Тело?" —
ты спрашиваешь. Я не отвечаю.
Кругом цветы. И ты уже — ромашка.
Но, став цветком, ты вырвалась наружу.
И я — в тебе. И рядышком Париж.
И пауза длиннее двух столетий,
где войны, революции, стихи
немыслимо мне близкие — Целана.
Я цепенею, снова их услышав.
А ты отводишь губы.
И ресницы — две стаи диких уток, что все дальше
летят, легко сливаясь с горизонтом.

Рисунки Николая Дроникова

А. ВАЙНЕР, Э. КУЗНЕЦОВ И ВНОВЬ — БАГРИЦКИЙ

Эдуард Багрицкий относится к наиболее прославленным одесским поэтам. Его произведения находили и продолжают находить отклик у людей, неравнодушных к поэзии и истории родины. Он жил в сложную и опасную эпоху революции, гражданской войны, построения социализма и сумел по-своему отразить ее особенности. В сложное время было не избежать сложных отношений. Неоднозначно оценивался Багрицкий и как поэт, и как человек. Вот мнение одного из популярных сатириков 30-х годов:

А. Безыменский

Он в Уленшпигелях — мужик,
В охотниках — средневековец,
Среди махновцев — большевик,
Среди большевиков — махновец.
Конструктивист в контрабандистах,
Контрабандист в конструктивистах...
Товарищ милый, перестань-ка!..
...Ох, уж эта мне романтика!

К счастью, такое мнение не разделяло большинство читателей, с энтузиазмом встречавших произведения поэта. В 2006 году исполнилось 80 лет с момента появления поэмы Багрицкого "Дума про Опанаса". Это необычное по стилю, образности, героям произведение наиболее ярко характеризует творчество поэта. Не удивительно, что большинство сатириков, создавая пародии на Багрицкого, брали за их основу не только знаменитых "Контрабандистов", но и "Думу про Опанаса". Конфликт между Опанасом и Коганом по-разному интерпретировался в сатирических переложениях.

Чаще всего пародии в стиле "Думы про Опанаса" возникали не обособлено, а в составе различных тематических циклов. Приведенные ниже образцы вошли в циклы

З. Вальшонка "Кошки-мышки" и В. Рубановича "Та самая Несса" (о Лох-Несском чудовище) и "Жил-был у бабушки серенький козлик". Немаловажно, что интерес к творчеству Багрицкого не снизился по мере удаления эпохи, в которую поэту выпало жить. Новые поколения пародистов с увлечением осваивают стиль его произведений, находя в них особенный аромат, присущий настоящей поэзии. Приведенные пародии трех авторов созданы в последние годы XX века, и их появление позволяет надеяться, что и в дальнейшем поэзия Багрицкого будет неизменно привлекать внимание читателей.

А. Гуторов

Механики, чекисты, рыбоводы!
Я ваш товарищ —

мы одной породы...
Пусть ветер по-боцмански
бьет по щекам
И драит спину кедровой веткой...
Вы жизнь свою связали с ЧК,
А я — с деникинскою
контрразведкой...

Механики, чекисты, рыбоводы...
Я ваш товарищ, мы одной породы...
Это я, сошурив наметанный глаз,
Шлепнуть Когана отдал приказ,
А потом обвинили Опанаса, —
Что возьмешь с хохла-лоботряса?..

З. Вальшонок

Лейся, дума, мглой повита,
не с Попова лога, —
со столичного Худлита,
где в начальстве — Коган.
ой, скачите, кони-мысли,
вдаль чумацким трактом.
Опанас глядится мышью,
а котом — редактор...

*Пародии даны в сокращении.

...Поправляет окуляры,
улыбаясь Коган.
"Серый текст, — бубнит котяра, —
и намеков много..."

...Не сложилась беседа —
Жаль, товарищ Коган.
Опанас послал главреда
в дым, в жестянку, в бога.
У Панька замах ядерный,
тяжелей свинчатки.
Он издатель с разгону
Хлобысть по лопатке!
С той кошачьей редактурой
жжет его обида.
В степь улет от диктатуры
Когана с Худлита.
Зашумело Гуляй-Поле.
Доля Опанаса
унесла его на волю
с душного Парнаса.

В. Рубанович

Не лежат мои герои
Дома на погосте.
Далеко вода, не скрою,
Разметала кости.
Разметала, разложила
Их по дну Лох-Несса.
Где ХЕКогана могила,
А где Опанесса?

Как мечтал во тьме пучинной
От руки бандитской
Сгинуть славною кончиной
Я, поэт Багрицкий!
А не вышло! Кто в ответе?
Разбери поди ты:
Убивали те и эти —
Кто из них бандиты?..

В. Рубанович

По нюху. По следу
Пронесит шалауду:
Три волка в Одессу
Везут контрабанду.
У правого борта
Товары для сбыта:

Козлиная шкура,
Рога и копыта.
А Черное море
тревожно шумело:
— Недоброе дело!

Разбойное дело!

.....
Двенадцатый час —
Время нежиться в дреме,
Но бабушка Коган
В баркасе на стреме.
Она отомстит
За козленка бандитам,
Пропасть не позволит
Рога и копытам.
И Черное море

Восторженно пело:

— Хорошее дело!

Партийное дело!

.....

Вот так бы и мне
И зимою и летом
Табанить налетчиков
С волчьим билетом
И ставить их к стенке,
Сжимая наган, —
Тогда б не ушел
Ни один ураган!
Так бей же по жилам,
Кидайся в края,
Кипи, большевистская
Ярость моя,
Чтоб волки у бабок
Не крали козлов,
Взамен не оставив им
Даже мослов!
Но тут же себя я
На мысли ловлю:
Старух уважаю,
Козлов не терплю.

Феликс ЗИНЬКО АДМИРАЛ МАРКИЗОВОЙ ЛУЖИ

Удивительные зигзаги делает история.

В советские годы имя российского адмирала де Траверсе связывалось только с "Маркизовой лужей" — так называли моряки Финский залив, в котором якобы квисил боевые корабли и моряков этот морской министр. Дело в том, что Траверсе был маркизом, эмигрировавшим в Россию после Французской революции, вслед за герцогом Ришелье. Правда, он получил персональное приглашение от царицы Екатерины Великой. Ему присвоили звание генерал-майора и должность командующего галерным флотом.

Маркиз возглавил важный стратегический пункт обороны Финского залива в Роченсальме (Котка) и отбил несколько атак англо-шведской эскадры, равнявшейся к Санкт-Петербургу. Александр I произвел его в контр-адмиралы и назначил главным командиром Черноморского флота. Так он попал в наши края.

В Николаеве, что был тогда главной базой флота, оказалось, что флота как такового нетути. Наспех построенные Ушаковым корабли, пройдя славные бои, пришли в полную негодность. Кроме того, созданную на Корфу республику надо было поддерживать. В 1804 году адмирал получил приказ переправить на Корфу две тысячи солдат, в следующем году еще тысячу. И Траверсе, засучив рукава, принялся за дело.

Именно он создал в Николаеве

и Херсоне новые верфи, остановил безудержное разбазаривание земель в округе и закрепил эти участки за расширяющимися городами. Первый историк Николаева Г.Н. Ге писал: "Положение Николаева сильно изменилось к лучшему, когда главным командиром Черноморского флота был назначен маркиз де Траверсе". Одновременно Траверсе исполнял должность губернатора. Но понимая, что совмещать два таких поста — "дело отчаянное", как говорила Екатерина, он сам обратился с письмом к императору. Его предложение было принято, и вся гражданская власть в Новороссии, Крыму и Таврии перешла в руки дюка де Ришелье. Вы можете, читатель, представить себе российского чиновника любого времени, который отказался бы от власти?

В устье Ингула шли непрерывные строительные работы. Рядом с верфями строились оборонительные форты, а в городе склады и магазины. Надо сказать, что в то время магазинами называли вовсе не торговые точки, как нынче, а склады пороха, ядер и прочего необходимого для флота снаряжения. Траверсе учредил картографическую службу (Депо карт), создал при нем Кабинет древностей, куда приказал свозить археологические находки со всего края. Кстати, потом эти экспонаты положили начало коллекции Одесского археологического музея. В 1804 году было открыто Училище флотских юнг, куда в первую голову принимали детей матросов и солдат.

Ришелье весьма ценил маркиза де Траверсе. Он писал ему: "Мне поручено наблюдать за работами по строительству одесского порта, но моя осведомленность в сих делах так мала, что любой совет такого человека, как Вы, будет для меня драгоценен. Мне предложили план строительства, но прежде чем что-нибудь решать, я хотел бы, чтобы Вы все увидели собственными глазами: я был бы Вам бесконечно обязан, и, кроме того, это маленькое путешествие доставило бы нам удовольствие личного знакомства".

Конечно, Траверсе откликнулся на приглашение дюка и прибыл в Одессу. Теперь скажите, слышали ли вы когда-нибудь о его участии в разработке плана одесского порта? Упоминаются имена де Волана, Ришелье, а про Траверсе — ни словечка. Советские "летописцы" попросту вычеркнули его имя из истории. Как же иначе — ведь он был монархист, а у нас в истории оставили только революционеров. Как это ни смешно.

Справив дела в Одессе и вернувшись в Николаев, маркиз послал дюку де Ришелье морской баркас с командой матросов. "Надеюсь, — писал он, — что, имея такое судно, Вам легче будет наблюдать за работами в порту". Пока дюк был в Одессе, переписка и дружба между двумя эмигрантами на российской службе продолжались.

С 1806 по 1808 годы на воду были спущены и вошли в строй флота шесть линейных кораблей и два фрегата. Траверсе объявил Севас-

тополь закрытым городом, потому как английская и французская разведки весьма интересовались силами Черноморского флота. В 1809 году на Николаевских верфях были заложены еще два линейных корабля и фрегат. Николаев стал крупнейшим арсеналом Новороссии. В том же году Александр I назначил маркиза де Траверсе морским министром России. Он принял пост и российское гражданство. И работал министром флота 18 лет.

Здесь надо сказать, что после того как практически весь французский флот был уничтожен адмиралом Нельсоном в битве при Трафальгаре, Наполеон Бонапарт обратился к военно-морскому министру Франции: "Помогите мне пополнить этого Траверсе, что командует у русских флотом на Черном море; это человек, который сможет отомстить за меня англичанам на море". Французский консул в Одессе передал Траверсе предложение Наполеона: "Господин маркиз, Вам нужно лишь продиктовать условия вашего возвращения, император Наполеон готов обложить Вас самыми высокими полномочиями". Представьте, наш маркиз отклонил предложение, сказав: "Россия нынче мое отечество, она помогла мне в тяжелое время, я навсегда сохраню ей благодарность". Каково? Вот вам и маркиз! Конечно, монархист Траверсе не хотел служить узурпатору престола.

Во время Отечественной войны 1812-15 годов флотские экипажи сражались бок о бок с армейскими частями российской армии. Когда

наполеоновская армия была изгнана из России, корабли флота действовали в Северном море совместно с британскими. После победы царь предложил маркизу княжеский титул, однако Жан Батист, ставший Иваном Ивановичем, отклонил монаршую милость. Не знаю больше в истории России ни одного человека, сделавшего такой жест!

После войны началась эпоха российских "круг светла плавателей". Именно морской министр был коперщиком и организатором этих славных дел. В 1819 году он отправляет Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева на шлюпах "Нева" и "Восток" на поиски неведомого материка. Они обошли кругом Антарктиды и нанесли ее контуры на карты. Путно были открыты и названы острова Березина, Смоленск, Бородин, Малоярославец — места победных сражений российских солдат. Беллинсгаузен назвал именем Траверсе целый островной архипелаг. Затем ушли в далекое плавание корабли Крузенштерна, Лазарева, Литке, Коцебу, Завадовского и Шишмарева, принешие славу России.

А что там с Маркизовой лужей? Траверсе преемственно понимал, что российский флот пока еще весьма слаб и без поддержки береговых фортов не может противостоять британцам. Потому-то он и придерживал флот в Финском заливе, чем вызывал гнев и издевательские отзывы флотской молодежи, равнявшейся в бой.

Траверсе оставил пост министра в 1828 году. Через три года его не стало.

Кто же и почему, спрашивается, пытался выбросить Жана Батиста де Траверсе из российской морской истории?

Это уже совсем другой рассказ...

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. 372-572).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N _____. Газета отпечатана в типографии "СІС".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 724-01-35. www.odessitclub.org.